

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ТюмГУ

ЦЕНТР ТРАНСЛЯЦИИ И ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Ф. С. КОРАНДЕЙ

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ

Учебное пособие

Выполнено в рамках Инновационной
образовательной программы ТюмГУ

Издательство
Тюменского государственного университета
2008

ООО «Виндекс», 2008

УДК 930:911(075.8)
ББК Т218я73
К 660

Ф. С. Корандей. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ: Учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 124 с.

Представляет собой очерк эволюции методологии исторической географии как междисциплинарной области знания. Рассматривается современное состояние системы историко-географической науки, характеризуются тенденции развития национальных (британской, американской, французской и отечественной) историографических школ.

Предназначено для студентов вузов, прежде всего исторических и географических факультетов.

Подготовлено в рамках проекта «Формирование инновационного научно-образовательного комплекса Тюменского государственного университета для обеспечения эффективности природопользования в условиях интенсивного освоения ресурсов Западной Сибири».

Рецензенты: **Л. В. Смирнягин**, доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
А. Г. Еманов, доктор исторических наук, зав. кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков ТюмГУ

© ГОУ ВПО Тюменский государственный университет, 2008
© Ф. С. Корандей, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В XIV–XVIII ВВ.	7
§1. Периодизация развития исторической географии в XIV-XVIII вв.	7
§2. Ранняя гуманистическая историография	10
§3. Эрудитская школа XVI–XVII вв.	14
§4. Эпоха Просвещения	15
Глава 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XIX В.	17
§1. Британская школа исторической географии в XIX в.	17
§2. Французская школа исторической географии в XIX в.	25
§3. Историческая география в Российской империи (до 1917 г.)	32
Глава 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XX В.	51
§1. Американская школа исторической географии в XX в.	51
§2. Британская школа исторической географии в XX в.	64
§3. Французская школа исторической географии в XX в.	70
§4. Историческая география в советский период	81
Глава 4. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ	97
§1. Границы национальных школ	97
§2. Современное историко-географическое знание	105
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	111
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	122

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возникающая в рамках университетского курса необходимость обозначить дефиниции такого предмета, как «историческая география» неизбежно ставит перед автором «историко-географический» вопрос о границах. С точки зрения своей истории, методов, институтов, школ и традиций историческая география вполне соответствует определению границы как области перехода между пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами [153: с. 102]. В соответствии с логикой той работы, откуда мы позаимствовали это определение, необходимо понимать, что речь должна идти не столько о реальной границе между историей и географией (существует ли она, где проведена?), сколько о ее образах, их репрезентации и интерпретации с точки зрения отдельных академических сообществ.

Британский географ А. Бейкер (Alan Baker) в начале своего монографического обзора историко-географической методологии доказывал на многочисленных примерах, что отношения между историей и географией часто выражаются учеными историками и географами в агрессивных, милитаристских метафорах (вроде «вторжения», «аннексии» и «обороны») [2: р. 1]. С этим образом исторической географии как дикого поля может соперничать другой, не реже встречающийся в работах историков и географов, пишущих об исторической географии, — образ исторической географии как *terra incognita*. В. К. Яцунский (автор до сих пор не имеющей аналогов работы по истории дисциплины) писал о том, что «историческая география еще до Первой мировой войны приобрела репутацию науки с весьма неопределенным содержанием». Советский историк надеялся, что «теоретические принципиальные положения» (в его случае — марксистские представления о «научных» истории и географии) позволят установить «четкое и обособленное» содержание понятия «историческая география» и избежать таким образом этой неопределенности [6: с. 8].

Как свидетельствует пример зарубежной историографии, вряд ли это возможно в ситуации методологического плюрализма. Р. Батлин (Robin Butlin), более десятилетия назад составивший едва ли не первый в англоязычной литературе исторический очерк дисциплины, отмечал, что «процесс определения места, которое историческая география занимает в пространстве между... двумя этими дисциплинами (историей и географией. — *Ф. К.*), никогда не был простым, и поэтому в разные времена и в разных местах получил свое развитие целый ряд различных исторических географий, отражающих различные интеллектуальные, этические и политические контексты» [З: р. 2]¹.

При чрезвычайной широте проблематики конкретных историко-географических исследований на одном полюсе и теории, превратившейся почти в отдельный жанр, — на другом, наиболее продуктивным (с точки зрения обязательного для студента-историка или географа методологического минимума) нам представляется исторический или историографический подход к определению специфики предмета. Путь рассмотрения развития историко-географических идей тем более важен, что позволяет понять истоки некоторых проблем отечественной традиции.

Цель работы — очерк развития и современного состояния историко-географических исследований на примере нескольких академических традиций, на наш взгляд, наиболее интересных со сравнительной точки зрения. В каждом случае мы старались рассмотреть историю направления, основные влияния, сформировавшие ее методологический арсенал, основополагающие работы, перспективы развития. Историографический подход предопределил некоторые тематические акценты изложения. К сожалению, за пределами нашей работы осталась история германской школы исторической географии, исключительно важной с точки зрения истории географической науки. То обстоятельство, что в основу данной работы положен цикл лекций из курса по исторической географии Европы, предопределило европоцентризм изложения, который, может быть, отчасти

---

¹ Далее все переводы, кроме оговоренных особо, выполнены автором работы.

компенсируется обращением к историографии сибирских и американских колоний.

Методологическое разнообразие традиции историко-географических исследований остается малодоступным и малоизвестным не столько специалистам нынешним, сколько специалистам будущим — нынешним студентам. Замечательные историографические обзоры, написанные на русском языке, на настоящий момент сильно устарели [1, 6, 51]. Данное пособие призвано хотя бы частично решить эту проблему и адресовано в первую очередь студентам вузов.

Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В XIV–XVIII ВВ.

«Тема отношений истории и географии весьма популярна. Она привлекала внимание человека с тех пор, как он впервые задумался о природе человеческого общества, неразрывно связанного с поверхностью земли. Классические философы размышляли о связях между людьми и окружающей их природой, исторические сочинения Геродота и Фукидида полны географических описаний и наблюдений. В Средние века эта тема уходит в тень, и возвращается с приходом Ренессанса» [91: р. 1]. Слова классика британской школы исторической географии Г. К. Дарби относятся к «протонаучному» этапу развития историко-географического знания. Авторы, составлявшие свои труды задолго до того, как было сформировано современное представление о науке, интуитивно ощущали единство истории и географии. По этой причине в Античности и Средневековье историческое повествование и географическое описание часто образовывали монолитное единство в составе одних и тех же произведений. Редкие элементы историко-географического подхода, которые мы встречаем на страницах «Истории» Геродота или в «Топографии Гибернии» Геральда Камбрийского — таким элементом, в частности, является учение о роли климата — свидетельствуют о том, что их авторы еще не ставили перед собой задач реконструкции географии прошлого.

§1. Периодизация развития исторической географии в XIV–XVIII вв.

Возникновение исторической географии как целенаправленной ученой деятельности, как правило, связывают с гуманистами.

«Гуманизм» Ренессанса был иным, чем «гуманизм» в современном понимании. Философские задачи этого интеллектуального течения, зародившегося в XIV в. в Италии, а затем распространившегося

по всей Европе, были связаны прежде всего с освоением античной культуры, в особенности классической словесности. Итальянские гуманисты, первые европейские авторы, обратившиеся к задачам исследования географии прошлого, положили начало традиции реконструкции античной географии на основе классических текстов. Глубокий интерес гуманистов к древнегреческой и древнеримской культуре предопределил трехсотлетнюю эпоху в истории направления.

Центральной метафорой историко-географического поиска в этот период становится визуальная. Картограф Авраам Ортелиус назовет географию «оком истории», а первый английский историк географии Ричард Хаклюйт (Richard Hakluyt, 1552/3—1616) уточнит в книге «Первейшие Плаванья, Путешествия, Походы и Открытия Английского Народа» (Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, 1598—1600), даже каким именно — правым, в то время как левым объявлялась хронология.

Следует отметить, что древние тексты были не только источником фактических сведений, но также и образцом метода, на который тогдашние ученые ориентировались при составлении своих сочинений. Гуманисты снова открывали античные жанры, такие как биография, *anapaes* в духе Тацита, и *res gestae* в духе Тита Ливия и, к примеру, формировали свои исторические сочинения как литературные, предъявляя особые требования к стилю и манере изложения. Первые сочинения историко-географической традиции, авторами которых были гуманисты XIV—XVI вв., составлялись по образцу географических сочинений древности.

Центральное место в этой традиции занимала концепция «древней географии» (*vetus geographia*, *geographia veteris*, *antient geography* и т. д.), которая может быть охарактеризована как *практика описания географии прошлого без применения исторического подхода*. Целью «древней географии» было определение местонахождения географических объектов прошлого и их отношения к объектам современной географии. Тематически эта практика сводилась к описанию географии античности и библейской древности. Тематический диапазон собственно исторических сочинений вплоть до XVII—XVIII вв. был ограничен событиями политической истории, и почти не включал географических вопросов. Лишь коренные изменения в методологии ис-

Возникновение и развитие исторической географии в XIV–XVIII вв. (по В. К. Яцунскому)

Хронологические рамки	Этап	История	География	Персоналии
с V в. до н. э.	Античные и средневековые историографы	Соединение исторического нарратива с географическим описанием		Геродот, Страбон, Павсаний, Геральд Камбрийский
XIV-XV вв.	Итальянский гуманизм	Интерес к античности. Первые филолого-географические штудии		Петрарка, Боккаччо, Бьондо
XVI в.	Европейский гуманизм	Распространение гуманистической идеологии		Авраам Ортели и «Paregon Theatri Orbis Terrarum»
		Прогресс в собирании и издании источников	Влияние ВГО. Развитие страноведения и картографии. Фламандская школа в картографии	
XVII в.	Эрудитская школа	Масштабные издательские проекты. Разработка методов исторического исследования	Век атласов. Голландская школа картографии. Развитие французской исторической картографии. Фирма Сансонов	Христофор Келлер и «Notitia Orbis Antiqui»
XVIII в.	Эрудитская школа	Осознание ИГ как вспомогательной дисциплины при написании очерков церковной и политической истории	Исторические карты Делиля и д'Анвиля	Аббат Лёбеф (Франция), Шпенер (Германия), Хорсли (Англия), Байер и Татищев (Россия), Шёпфлин (Эльзас)
		Постепенное расширение тематики исследований за пределы античности. Возникновение интереса к Средневековью		
XVIII в.	Эпоха Просвещения	Теории географического детерминизма		Дюбо, Монтескьё, Гердер

торической науки в указанный период, и в особенности в XIX в., способствовали трансформации исторической географии во вспомогательную историческую дисциплину.

Согласно В. К. Яцунскому, описавшему процесс развития ранней историко-географической традиции (см. табл. 1.), в нем выделяется несколько этапов, соотносимых с важнейшими периодами в развитии европейской историографии XIV—XVIII вв. Ниже мы охарактеризуем эти периоды на примере некоторых сочинений.

§2. Ранняя гуманистическая историография

Первые филолого-географические штудии были органичной частью произведений гуманистов, касающихся вопросов современной географии. Знаменитый поэт и ученый Франческо Петрарка составил (ок. 1358 г.) путеводитель, призванный служить пособием паломнику, отправляющемуся из Генуи в Палестину, и обратно в Италию через Египет (Сирийский Путеводитель, *Itinerarium Syriacum*). Наряду с описанием христианских святынь путеводитель включал многочисленные заметки историко-литературного характера. Петрарка приводил свидетельства античных авторов, касающиеся тех мест, мимо которых проезжал путешественник.

Историк Флавио Бьондо (1392—1463) в своих трактатах «Восстановленный Рим» (*Roma Instaurata*, 1446) и «Иллюстрированная Италия» (*Italia Illustrata*, 1453) сделал попытку восстановить их древнюю топографию. Последний трактат с точки зрения жанра явился гуманистической хорографией, составленной по образцу античных. Бьондо сделал обзор всей территории Италии (фактически 14 провинций из 18), при описании каждой из местностей делая особый акцент на ее древних названиях, знаменитых уроженцах и исторических событиях, которые там происходили. Подход Бьондо не был исключительно филологическим, он опирался на богатый опыт путешествий самого гуманиста, сделанные им археологические открытия и наблюдения.

Историческая картография

Все же важнейшей сферой проявления и основным инструментом ранней историко-географической традиции стала историческая картография.

Развитие исторической картографии в XV–XIX вв. (по У. Гоффарту)

Дата	Событие	Значение
1406-1407	Перевод «Географии» Птолемея на латинский язык	Открытие гуманистами «древней» географии
1427-1513	Добавление «новых» карт к атласу Птолемея, страсбургское издание 1513 г. содержит 20 таких карт	Разделение географии на «древнюю» и «новую»
1579	«Parergon Theatri Orbis Terrarum» Авраама Ортелия	Начало традиции издания «совмещенных» атласов, включающих как карты по «древней», так и по «новой» географии
1600-1667	Исторические карты Николя Сансона (Nicolas Sanson)	Картографирование политических и административных делений
1703-1706	«Notitia Orbis Antiqui» Христофора Келлера (Cellarius)	Соединение описательного и картографического подходов. Возникновение интереса к картографированию Средневековья
1705-1720	В Амстердаме фирмой Honoré et Châtelain издан «Atlas historique»	Первый атлас, носящий название «исторического»
1750	«Atlas Historicus» Иоанна Гейза (Johann Mattias Hase)	Хронологический принцип при картографировании политических изменений
XIX в.	«Historisch-geographischer Hand-Atlas» Карла Шпрунера (Karl Spruner)	Появление современного типа исторических атласов

Определяющими факторами в развитии географии XV–XVI вв. были (1) распространение в ученой среде идеологии гуманизма и (2) процесс великих географических открытий, что привело к разделению географического знания на «древнюю географию» (*vetus geographia*), основанную на гуманистическом почтении к авторитету древних географов (Птолемея, Страбона и др.), и «современную географию» (*geographia nova*), описывающую современные открытия.

В картографии разделение на «древнюю» и «современную» обозначилось, по-видимому, уже в 20-х гг. XV в., когда к картам атласа птолемеевой «Географии», незадолго до того попавшей в Западную Европу из Византии, были впервые добавлены «современные таблицы» (*tabulae novae*) — карты, выполненные современными картографами с целью исправления недостатков древнего атласа [4: с. 78-79]. Таким образом, и та, и другая науки представлялись ученым того времени полноценными частями географии. Источником знаний о земле в «современной» географии были непосредственные наблюдения, «древняя» география опиралась на знания, полученные от античных авторов [7: р. 13-39].

У. Говфарт (*Walter Goffart*) — автор монографии, посвященной эволюции исторических атласов в XVI—XIX вв. (см. табл. 2), писал, что составление карт по «древней» географии не считалось в этот период историческим исследованием. «Древняя» картография была полноправным разделом географии, таким же, как картография «современная». Это подтверждается как невниманием картографов к хронологии (на «древние» карты не наносились даты, изображалась территория «как бы на протяжении всей античности»), так и длительной традицией издания «объединенных» атласов, на равных включавших в себя карты по «древней» и «современной» географии.

А. Ортелий

Начало традиции «объединенных» атласов положил фламандский картограф Авраам Ортелий (1527—1598). В 1570 г. Ортелий издал в Антверпене атлас «Театр Мира» (*Theatrum Orbis Terrarum*), включавший 53 карты с подробными географическими комментариями. Атлас состоял из карт по «современной» географии, и уже в течение нескольких последующих лет выдержал ряд переводов и переизданий.

С 1579 г. Ортелий, уступая просьбам «друзей и ученых (*studiosi*) в области древней истории, как священной, так и профанной», начинает издание «нескольких карт по древней географии» (*veteris geographiae aliquot tabulae*), которые он рассматривал как дополнение (*parergon*) к основной части «*Theatrum Orbis Terrarum*».

Девиз, предварявший издание, гласил: «География есть око истории» (*Historiae oculus geographia*). В. К. Яцунский, выражая мнение традиционное для историографии вопроса, трактовал эти слова как «указание на необходимость знания географии для правильного понимания исторических событий». Согласно такой точке зрения, с самого начала «*Paregon Theatrum Orbis Terrarum*» задумывался как пособие при занятиях историей [6: с. 108]. У. Гоффарт утверждал, что буквальный смысл девиза — «материал географии позволяет визуализировать историю» — не дает возможности делать столь далеко идущих выводов, и приводил доказательства того, что «*Paregon*» задумывался и был исполнен как географическое сочинение по «древней географии» [7: р. 13-14, 16-17, 30-31].

Об ограничениях, которые накладывала на «древнюю географию» специфика ее источников, свидетельствует тематический подбор карт, включенных Ортелием в состав «дополнения», которое росло в количестве, и постоянно входило в новые переиздания «*Theatrum Orbis Terrarum*». Почти все карты были составлены лично Ортелием на основе текстов античных писателей и Священного Писания. Несколько карт (*Geographia sacra*) изображали места, где происходило действие библейской истории. Они были помещены в первую часть атласа. Остальная, большая часть карт, была посвящена изображению территорий Европы, Азии и Африки в период Античности. География Европы после распада Римской империи, таким образом, оказывалась вне пределов атласа.

Помимо тематических ограничений, «исторический» атлас Ортелиа не соответствовал нашим представлениям об историческом подходе в хронологическом отношении. На оборот карты наносились свидетельства древних авторов, касающиеся конкретных названий, границ, народов, административных делений территории, но сама карта изображала ту или иную область как бы «на протяжении всей античности». Карты не были датированы, и даже если были посвящены определенному событию, например путешествию святого Павла, или походу Александра Великого, то изображали территории, по которым пролегал маршрут исторических персонажей, но не сам маршрут.

Вклад Ортелиа в развитие историко-географической науки был, тем не менее, исключительно важен. Обобщив данные античной и биб-

лейской традиции, Ортелиус впервые описал (а вернее, изобразил на карте) ту область знания, которая получила название «древняя география», и вместе с тем поставил перед последующими исследователями, как историками, так и географами, специальные историко-географические задачи.

§3. Эрудитская школа XVI–XVII вв.

На историко-географическую традицию XVI–XVII вв. оказали существенное влияние несколько факторов.

Во-первых, гуманистическое движение с его культом античности распространилось по всей Европе, подействовав на развитие учености в таких странах, как Голландия, Франция и Германия. Авторы большинства историко-географических сочинений, таким образом, продолжали следовать канону «древней географии», сложившемуся в раннегуманистический период. Это касалось и географов, составлявших вслед за Ортелием атласы и описания античной географии Европы, и историков эрудитской школы, строивших свои сочинения прежде всего на историко-филологическом анализе древних текстов. Сюда можно отнести посвященные античной географии работы Филиппа Клуверера (Philippus Cluverius, «Germaniae Antiquae Libris Tres», Лейден, 1616), Адриана Валуа (Valesius, «Notitia Galliarum», Париж, 1675), Пальмериуса (Palmier de Grentemesnil, «Graeciae Antiquae Descriptio», Лейден, 1678), Христофора Келлера (Cellarius, «Notitia Orbis Antiqui», Лейпциг, 1701–1706) и др.

«Geographia Sacra»

Во-вторых, в связи с реформацией, которая провозгласила единственным источником религиозной истины Священное Писание и породила полемику католической и протестантской партий, каждая из которых стремилась на документальной основе обосновать свои притязания, диапазон работ в области «древней географии», бывшей в понимании ранних гуманистов почти исключительно географией античности, расширился за счет библейской «древней географии». В этих работах, появившихся сначала в протестантской среде, но скоро оказавших свое влияние и на католических интеллектуалов, особенно ос-

тро проявилось стремление связать авторитет Библии с авторитетом современных научных теорий [3: р. 2-3].

В качестве примера можно привести труды Эдварда Уэллса (Edward Wells, 1667—1727), теолога и математика, оксфордского преподавателя географии, пастора англиканской церкви. В начале XVIII в. Уэллс опубликовал несколько работ по исторической географии Библии («Historical Geography of the New Testament» (Оксфорд, 1708), «Historical Geography of the Old Testament» (3 т., Оксфорд, 1710, 1711, 1712)). Так, целью его «Исторической географии Нового Завета» была попытка описания «места действия, где совершились подробности жития» Иисуса Христа. Описание было осуществлено при помощи «исторического метода», под которым понималось соответствие описания тому хронологическому порядку (series of time), в каком Иисус посетил разные области Святой Земли. Выполненные Уэллсом историко-географические описания опирались на источники, как традиционные для «древней географии» — Священное Писание и произведения античных авторов (Иосифа Флавия, Птолемея, Страбона), так и на современные ему ученые свидетельства о Святой Земле (сам Уэллс там не бывал). Анализируя все эти данные, Уэллс старался реконструировать картину библейской географии, которая не противоречила бы данным географии начала XVIII в. [8: р. iii-iv].

§4. Эпоха Просвещения

В этот период характер развития историко-географической традиции был обусловлен изменениями, которые претерпела к концу XVII — началу XVIII в. историческая наука. Прогресс исторического источниковедения, созданного трудами церковных историков эпохи Контрреформации (болландистов, мавристов и др.), способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин, следствием чего стало расширение диапазона исторических исследований как в тематическом, так и методологическом отношении. История постепенно эволюционировала из ограниченного жанровыми рамками вида литературы в научный подход, применимый не только к политическим или военным, но и к другим аспектам прошлого.

Область «древней географии» подверглась воздействию этих изменений прежде всего в отношении хронологии. Еще в середине XVII в.

французский картограф Николя Сансон (Nicolas Sanson, 1600–1667) отказывается от принципа статичной «древней географии», разбив единую карту прошлого на периоды, отражающие постепенные изменения административной и политической структуры территории. Карты школы Сансона, изображавшие трансформации «древней географии» европейских королевств, но еще не носившие датировки, преобладали в исторической картографии начала XVIII столетия. К продолжению этой традиции стоит отнести работы Иоанна Гейза (Johann Mattias Hase, *Atlas Historicus*, 1750), Жана д'Анвиля (Jean Bourguignon d'Anville, *Notice de l'ancienne Gaule*, 1760; *Géographie ancienne abrégée*, 1768).

Следующим шагом было применение к «древней географии» новой общеисторической периодизации. Профессор университета в Галле Христофор Келлер (Cellarius, 1638–1707) в своей работе «Всеобщая история в трех частях» (*Historia tripartita universalis*, 1685–1698) разделил историю на Древнюю (до Константина), Среднюю (от Константина до взятия Константинополя турками в 1453 г.) и Новую. Последовательно применяя этот принцип, после своего труда по «древней географии» (*Notitia Orbis Antiqui*, 1701–1706), он намеревался издать такой же труд по «средней географии», посвященный географии Европы в период от Константина до Карла Великого, но не успел этого сделать [7: р. 146–148]. Тем не менее, с начала XVIII в. работы по описанию географии Средневековья становятся постоянными, большинство из них было также посвящено локализации на карте различных объектов и изменениям границ государств. Примером является работа д'Анвиля «Государства, образовавшиеся в Европе после падения Римской империи» (*Etats formés en Europe après la chute de l'Empire Romain en Occident*, 1771).

Но все же наиболее значимым процессом этого последнего этапа ранней историко-географической традиции было постепенное включение в арсенал исторической науки географического обзора. Географические обзоры, предпосылавшиеся историческим сочинениям с целью описания условий, в которых впоследствии разворачивалась история той или иной местности, появляются в XVII в., а в XVIII в. становятся почти неотъемлемой частью исторических сочинений [6: с. 210–216]. Именно в этом историографическом жанре, казавшемся вспомогательным, были скрыты возможности, раскрывшиеся в исторической географии XIX и особенно XX в.

Глава 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XIX В.

§1. Британская школа исторической географии в XIX в.

История и география в британских университетах

Университеты Британских островов, с XVI в. ставшие центрами гуманистического знания, до 1870—80-х гг. довольно точно следовали его традиционной структуре. География в этом случае повторяла характерное для гуманистической науки разделение на математическую и описательную части. Первая, — та, что, по Птолемею, и называлась собственно *географией* (γεωγραφία) — описывала всю землю как единое целое, основываясь при этом на математическом методе, вторая — *хорография* (χωρογραφία) — занималась подробным изучением небольших районов земной поверхности (Птолемей сравнивал ее со взглядом художника на ухо или глаз изображаемой модели), используя исключительно описательный метод. В гуманистический период, впрочем, часто не различали эти направления, их объединяли под общим названием география, включая туда же и третье, картографическое (*топографию*, по Птолемею). Однако по своим методам, содержанию и назначению это были разные географические науки.

Ч. Уизерс (Charles Withers) и Р. Мейхью (Robert Mayhew) отмечали, что практика преподавания в английских и шотландских университетах XVI—XIX вв. подразумевала существование двух типов географии. С одной стороны, география преподавалась как *математическая география* (use of globes), и знаменитый физик Исаак Ньютон преподавал в Кембридже (1669—1701) именно это, естественно-научное направление географии. С другой стороны, дескриптивная география рассматривалась и как *приложение к курсу истории*, и то, что стало называться в XIX в. исторической географией, было следствием курсов, читавшихся профессорами-историками [23: р. 15-16].

«Естественно-научное развитие географии в XVII—XVIII вв. не нарушало глубокой преемственности преподавания географии в британских университетах — и, по крайней мере, на уровне преподавания доминирующим представлением о географии было представление о ней как о приложении к истории, преимущественно древней» [23: р. 20].

Процесс «самоосознания» географии как самостоятельной науки на рубеже XIX—XX вв. привел к появлению в университетах отдельных кафедр географии и профессоров-географов. Но этому событию (о нем ниже) предшествовала уникальная ситуация — по крайней мере, с 1840-х гг. профессиональные историки оказались преподавателями географии.

Определяющий вклад в развитие исторической географии внесла оксфордская школа, становление которой связано с именем Томаса Арнольда (Thomas Arnold, 1795—1842). Известный педагог и историк, стараниями которого в классический курс Оксфорда с 1841 г. была включена история нового времени (modern history), стал лидером британской историографической школы, ориентированной на изучение политической истории. Историко-географический подход, по мнению Арнольда, являлся важнейшей составляющей образования историка. Арнольд предстает в воспоминаниях учеников рисуящим на доске физическую карту Германии, а потом, в подтверждение роли географического фактора, отмечающим на ней основные победы Фридриха Великого в Семилетней войне [18: р. 110]. Непосредственными учениками Арнольда были Эдвард Фриман (Edward Freeman, 1823—1892) и Артур Стэнли (Arthur Penrhyn Stanley, 1815—1881), в дальнейшем профессор оксфордской кафедры церковной истории, географ, автор важного труда по библейской географии «Синай и Палестина в связи с их историей» (Sinai and Palestine. In connection with their history, 1856). Учениками Стэнли были Генри Фэншейв Тоузер (Henry Fanshawe Tozer, 1829—1916) и (может быть, заочно [11: р. 393]) Джордж Адам Смит (George Adam Smith, 1856—1942), о которых пойдет речь ниже.

Г. Ф. Тоузер

Интеллектуальный контекст сочинений и позиция следующего автора свидетельствуют о том, что в XIX в. изучение классической ге-

ографии и профессиональные занятия географией современной могли быть возможны вне обращения к историческому жанру. Оксфордский выпускник Генри Фэншейв Тоузер всю свою жизнь преподавал в alma mater, попутно прославившись как путешественник и альпинист.

Сочинения Тоузера, имеющие отношение к интересующей нас теме, с жанровой точки зрения можно поделить на два вида — учебники по классической географии: «Primer of Classical Geography» (1877), «A History of Ancient Geography» (1897), и географические описания Восточного Средиземноморья и Малой Азии, восходящие к собственным путешествиям Тоузера: «Researches in the Highlands of Turkey» (1869), «Lectures on the Geography of Greece» (1873), «Turkish Armenia and Eastern Asia Minor» (1881), «The Islands of the Ægean» (1890).

Метод его работ напоминает о методах исследователей «древней географии» XVII—XVIII вв. После смерти Тоузера современники говорили о нем, как о первом из английских путешественников, решившем пролить свет на классическую литературу [12: р. 177]. Приступая в своих путевых очерках к описанию мест, связанных с Троянской войной, он в первую очередь отмечает точность географических эпитетов Гомера, и в связи с этим восклицает, что сама местность, место действия поэмы, может служить вероятным доказательством существования поэта [22: р. 21]. Его целью, в полном соответствии со старым гуманистическим идеалом, является описание древней страны, а не критическое исследование исторических источников, и автор некролога пишет о нем как о представителе «поколения, которое не решалось, а возможно и не желало, слишком углубляться в расследование «происхождения» тех книг, которые искренне любило» [12: р. 177].

Не историческая критика, но опыт собственных путешествий, вместе с прекрасным знанием древних авторов, были инструментами Тоузера в его очерках классической географии — в путешествиях, из описания которых исключались дорожные происшествия и персональные подробности, литературная античность соединялась с современностью охваченного энтузиазмом эллиниста, та же равнина Трои представлялась ему полем битвы — «и не только героев, но ученых и географов» [22: р. 21].

Не случайно, что Тоузер почти не использует в своих лекциях термин «историческая география». Предметом его штудий является «древ-

няя» или «классическая» география (ancient/classical geography) как географическая наука гуманистического цикла, изучающая представления древних о мире. Предисловие к его курсу классической географии (Primer of Classical Geography, 1877)) начинается с обзора местностей, известных античным авторам, взглядам древних на географию посвящена целая работа (A History of Ancient Geography, 1897).

С современной точки зрения работы Тоузера относятся к истории географии. Тем более показательно определение, которое он дает исторической географии. Во введении к «Истории античной географии» Тоузер приводит классификацию разделов географии на математическую, физическую, описательную (политическую) и историческую. «Историческая география исследует землю с точки зрения воздействия, которое она оказывает на человеческое общество и прогрессивное развитие расы (progressive development of the race). С этой целью исследуется то изменяющее влияние (modifying influence), которое разные особенности страны оказывают на национальный характер... также устанавливается воздействие, которое черты географии производят на решающие битвы и кампании, являющиеся поворотными точками в мировой истории, и на власть, осуществляемую некоторыми странами в некоторые периоды» [20: р. 3].

Таким образом, в основе историко-географического подхода Тоузера (1) лежит отождествление истории с политической историей; (2) историческая география, по его мнению, представляет собой воплощение принципа географического детерминизма (тот тип ИГ, который Дарби потом назовет «geography behind the history»). В первой же главе своего учебника по классической географии, обращаясь к сравнению политического деления трех континентов, он рассматривает историю как сцену для исторического действия, заключая: «характер трех материков оказывал великое воздействие на их историю. Жителям Африки... в связи с ее неблагоприятными условиями было тяжело достичь культурного превосходства... В Европе же мы находим все условия для превосходной и отличающейся постоянством цивилизации» [21: р. 15-16]. Как явствует из этого пассажа, мировоззрение Тоузера также не свободно от *ориентализма*, присущего колониальной эпохе европоцентристского взгляда на развитие цивилизации.

Дж. А. Смит

Шотландский теолог и миссионер, специалист по ветхозаветной экзегезе вошел в историю как автор самого популярного в XIX в. историко-географического обзора Святой Земли. Книга «Историческая география Святой Земли» (The Historical Geography of the Holy Land, 1894) выдержала множество изданий; с ней соперничал библейский атлас Смита (The Atlas of the Historical Geography of the Holy Land, 1915).

Смит, так же как Тоузер, был продолжателем традиции «ancient geography», и хотя использованные им методы, как естественно-научные, так и историко-филологические, принадлежали уже отчасти XX в., в самом основании его подход напоминал о гуманистическом происхождении жанра. Р. Батлин, исследовавший в своей статье интеллектуальный контекст творчества Смита, и, в частности, связи его работы с предшествующими трудами в области библейской географии, особо отмечал характерный пассаж, открывающий описание Мертвого моря [11: р. 381].

«Возможно нет на Земле больше области, где природа и история образовали столь свирепое сочетание, и столь трагическая драма обрела столь ужасную сцену. Эффект некоторых исторических катастроф иногда усиливается окружающими их видами, полными красоты и мира. Здесь — все иначе... История Мертвого моря открывается Содомом и Гоморрой, и, можно сказать, заканчивается резней в Массадде» [17: р. 499]. Последние слова, ограничивающие интерес Смита библейской древностью, также свидетельствуют о том, что перед нами образец географического жанра, восходящего к «древней географии».

Определение, которое дает Смит исторической географии: «Есть много способов описать географию Палестины и иллюстрировать историю Святой Земли, но некоторые утомительны, а иные бесполезны... Читателю или проповеднику Библии необходимо представить очертания Палестины — ее форму и расположение, ее равнины, перевалы и горы, ее дожди, ветры и температуры, ее цвета, свет и тени. Те, кто изучает Библию, жаждут почувствовать ее почву и ощутить атмосферу, увидеть, почему история приняла здесь такие черты, а проповедь Евангелия — свою характерную манеру, осознать, что география способна внести вклад в вопросы библейской критики, и, кроме

всего остального, отличить в религиозном развитии Израиля те черты, которые определила природа, от тех, которые явились результатом напряжения духовных сил. С этой точки зрения география Святой Земли представляет высший интерес» [17: р. ix].

Р. Батлин характеризовал метод Смита как исследование географического контекста (*study of geographical context*) [11: р. 392]. В основе географического описания Святой Земли с той точки зрения, которая будет полезна для исследователей Библии, лежит широкий диапазон методов, в том числе методы библейской критики, направленные на выяснение исторических условий происхождения библейского текста. Для Смита, как и для Тоузера в случае с Гомером, сама география Палестины оказывается доказательством аутентичности библейских книг. Как христианин, Смит, впрочем, трактовал факт зарождения христианской религии в Палестине не с точки зрения географического детерминизма, но как акт проявления Божественного Откровения [17: р. 107-116].

«Историческая география Святой Земли» Дж. А. Смита, содержащая элементы исторического подхода, тем не менее, была существенно шире по своему содержанию, представляя собой географическое описание Палестины и окрестных территорий. Г. К. Дарби отмечал в своей работе «Об отношениях географии и истории» (*On the Relations of Geography and History*, 1954), что «самые строгие пуристы могут возразить против использования им термина «*historical geography*», но фактически, чтобы мы ни думали, шотландский священник создал такие описания, которым многие географы могут только позавидовать, не в силах их повторить» [91: р. 3].

Э. Фриман

Известнейший английский историк, профессор новой истории в Оксфорде был приверженцем сравнительного метода. Воспринимая европейскую политическую историю как единый процесс (Фриман был автором высказывания «История — это политика прошлого, и политика — история в настоящем»), он с одинаковым азартом интересовался как древней, так и современной, как британской, так и зарубежной историей. Это был классический образец викторианского учено-

го-универсала, ему принадлежат работы по истории церковной архитектуры, норманнского завоевания Англии, истории Сицилии, и множество других. Он также написал несколько общих очерков истории Европы.

Фриман был чрезвычайно внимателен к географической составляющей исторического процесса. Следуя завету своего учителя, Арнольда, некогда с томиком Полибия в руках пересекшего Альпы по следам Ганнибала, Фриман перед написанием очередной работы также стремился обязательно посетить места исследуемых исторических событий и даже умер в путешествии по Испании. Историки зачастую делали крупные ошибки в определении границ государств и названий территорий в тот или иной период. Поэтому Фриман решил создать справочный труд, позволяющий определить точное название территории или границы страны в тот или иной момент истории.

«Историческая география Европы» (The Historical Geography of Europe, 1881) — справочник-обзор Фримана, организованный по хронологическому и региональному принципу (он с сожалением замечал в предисловии, что не может рассматривать Европу как единое целое, а принужден разделить ее на несколько географических групп), представлял собой огромный труд, аккумулировавший передовые знания по истории Европы от античности до 1870-х гг. Вторым томом «Исторической географии Европы» был атлас из 65 карт. «Меня приводили в крайнюю усталость уже сам вид и название книги, — писал Фриман, — а особенно карты дались мне с превеликим трудом» [19: р. 175-176]. Несомненно, впрочем, что «передовая» позитивистская работа Фримана наследовала историографической традиции, восходящей к гуманистам. Как и историки XVII—XVIII вв., Фриман видел в истории прежде всего политическую историю (Р. Коллингвуд писал о нем, что тот «увяз в старой ошибке отождествления истории с политической историей» [9: р. 127]), и его историческая география также напоминала методы гуманистов, пытавшихся отметить на карте современного Средиземноморья гомеровы города.

С актуальными тенденциями развития исторической географии работу Фримана связывали характерные попытки интерпретировать историю Европы с точки зрения географического детерминизма. «Обратившись к истории, мы увидим, что она есть не иное что, как пере-

работка последствий, вытекающих из этих физических явлений. Из всех частей Европы Греция должна была первою сделаться цивилизованою и играть роль в истории; что же касается господства над цивилизованным миром ранних времен, т. е. над странами, окружающими Средиземное море, — то это господство должно было достаться Италии, а в ней — самому центральному из ее городов, Риму» [10: с. 7].

Из этой посылки следовали рассуждения о влиянии географии на национальный характер народа и на его место в истории, логика которых связывает работу Фримана с современными ему трудами по исторической географии колоний.

Историческая география колоний

Работы этого направления, самыми известными из которых являются труды Чарльза Лукаса (Charles Lucas), образующие цикл под названием «Историческая география британских колоний и доминионов» (Historical Geography of the British Colonies, Historical Geography of the British Dominions, 1887–1924), и Херфорда Брук Джорджа (Hereford Brooke George, 1838–1910), книга которого называется «Историческая география Британской Империи» (Historical Geography of the British Empire, 1904), помимо своего историографического значения, интересны как свидетельство мировоззрения, определившего когнитивные масштабы англосаксонской исторической географии следующего XX столетия.

Р. Батлин указывал, что эти книги, мало связанные с исторической географией в современном смысле, были по большей части очерками истории колоний, включавшими в себя статистический и этнографический материал [3: р. 22]. Но все же, несмотря на информативность этих работ в отношении истории географических открытий, торговли и экономики, для современного читателя главным их содержанием остается манифестация имперской идеи. Лапидарный перечень глав в начале книги Херфорд Джорджа представляет собой гимн во славу европоцентричного мироустройства, на вершине которого находятся Британские острова, а затем — по мере удаления от центра, все больше теряя в статусе, — следуют многочисленные британские колонии, доминионы и протектораты [13: р. ix-xi].

Методом работы является географический детерминизм, служащий идеологическим целям: «На характер любого государства, и тем более любой империи, оказывают влияние географические условия, и это исключительно верно по отношению к Британской империи, подобной которой еще не видел мир. Ее место на земном шаре — близости от Европы, но отдельно от нее — даровало Англии лучшую возможность для мореплавания и коммерческого превосходства. И ее народ, отчасти благодаря произведенному географическими влияниями смешению рас, обладал энергией, необходимой для того, чтобы использовать эти возможности» [13: р. 1].

Идея целостности европейской истории, легшая в основу исторической географии Фримана, с одной стороны, и имперская идея, бывшая важной составляющей контекста эпохи, — с другой, задали глобальный масштаб, присущий дальнейшей британской (а затем англо-американской) историко-географической традиции. Пространственная интерпретация исторического процесса в данном случае не ограничивалась национальной историей, в XX вв. любимым жанром британской историографии стала «Историческая география Европы».

§2. Французская школа исторической географии в XIX в.

История и география во Франции

Во Франции гуманистическая традиция, связывавшая преподавание географии с историей, оказалась наиболее крепкой, и на уровне среднего, и на уровне высшего образования. Агрегация (*l'agrégation d'histoire*) — конкурс-экзамен на должность преподавателя истории в лицеях, затем в университетах, учрежденный в 1830 г., включал в себя (включает и сейчас) задания по географии. Практика «двойного преподавания» (фр. *jumelage* «сдваивание») с необходимостью предполагала, что преподаватель истории должен быть компетентен в географии. Процесс профессионального обособления географии в университетах развивался медленно, и все же с 1870-х гг. ключевую роль в интенсификации этого процесса играли также историки по образованию, но географы по призванию, прежде всего выдающийся французский географ Поль Видаль де ла Блаш (*Paul Vidal de la Blache*,

1845—1918). Прекрасно понимая выгоды, которые историческое образование получает от такого сотрудничества, он подчеркивал необходимость развития географии как самостоятельной дисциплины [115]. Вплоть до 1942—1943 гг. экзамен на право преподавания сдавался на прежних бидисциплинарных основаниях, и лишь затем профессиональное географическое образование в некоторой степени обособилось от исторического, обретя собственный институт агрегации.

Тем не менее, историческое образование и в новейшее время продолжает оставаться базовым для большинства французских географов. Как отмечали К. и В. Мориньо (Caroline et Vincent Moriniaux) в статье, посвященной сравнительному анализу французской и германской школ исторической географии, «не будет преувеличением сказать, что в сегодняшней Франции география преподается историками, потому что более 90% лауреатов CAPES (Certificat d'aptitudes professionnelles a l'enseignement du second degre — свидетельство о профессиональной педагогической подготовке, диплом на право работать в средней школе) являются историками по образованию» [32: р. 91].

Положение географии во Франции, в отличие, например, от германской, и восходящих к последней российской и американской систем высшего образования, определяется тем, что она включается вместе с историей в число гуманитарных наук (les sciences humaines) и преподается на исторических факультетах [32: р. 89]. Следствием глубокой интеграции географического подхода во французскую историческую науку стало развитие в XX в. жанра *геоистории* (*g  ohistoire*) как исследований географического контекста жизни человеческих обществ и цивилизаций.

Популярность геоисторической концепции приводила порой к отождествлению последней с исторической географией. Но, как указывал Бейкер, взгляды историков на географию, которые постепенно эволюционировали от широких инвайронментальных представлений к рассмотрению географической истории небольших районов, все же существенно ограничивали возможности географического подхода [3: р. 22-24]. Эти возможности осознавались французскими учеными. Находясь в тени геоистории, историческая география во Франции следовала в том же направлении, что англоязычная, к концу XX в. оказав-

шись, как писал Троше, на положении «пограничной отрасли географической науки» [114: р. 3].

В настоящее время традиция исторической географии во Франции, по выражению того же автора, представляет собой серию отдельных трудов на повторяющиеся или даже «избитые» темы (история территориального формирования Франции, сельских ландшафтов, экономика древних городов), современные методы и теория исторической географии плохо известны историкам [114: р. 3]. Недостаточность «общего представления» (*un déficit d'image*) об исторической географии во французской науке служила предметом дискуссии, принявшей характер нескольких конференций последнего десятилетия, по результатам которых были опубликованы сборники трудов [148, 149].

* * *

Историко-географическая традиция во Франции унаследовала от эрудитских историков XVII—XVIII вв. целый ряд историографических жанров. Географические обзоры, предварявшие историческое повествование, в XIX в. превратились в отдельные монографии в составе многотомных «Историй Франции», топографические словари обрели районную специализацию и системность, но наиболее специфической формой, отразившей старинный риторический дух «сдвоенных» истории-географии, стал жанр географического описания. Именно в области описательного страноведения французская профессиональная география второй половины XIX — начала XX в. искала основания своего научного метода. Представители школы «Анналов» ввели его в качестве инструмента в историческое исследование.

Историческая география во Франции в первой половине XIX в.

Примером того, что понималось под термином «*géographie historique*» в этот период может служить учебник Луи-Этьена Дюсье (Louis Etienne Dussieux, 1815—1894) на момент издания книги профессора истории и географии (*le professeur d'histoire et géographie*) в военной школе Сен-Сир [27]. География в данном случае выступает как инструмент, необходимый для штудий по политической истории, под исторической географией понимается история формирования территории Франции. Эта история трактуется Дюсье с позиций нацио-

налистической доктрины «естественных границ» (*les limites naturelles*), согласно которой государственные границы Франции сформированы естественными преградами (Альпами, Рейном и Пиренеями). Основываясь на отождествлении Франции с Галлией, он изображает историю создания внутреннего единства Франции внутри этого географического района.

Ж. Мишле

Этой же цели — попытке географической интерпретации политической истории складывания Франции на территории между «естественными границами» — служила работа великого французского историка Жюль Мишле (*Jules Michelet*, 1798–1874), заложившая основания французской геоистории. С 1831 по 1867 гг. Мишле был занят изданием «Истории Франции» (*Histoire de France*). В 1833 г. он включает в состав этого многотомного сочинения работу «Общая картина Франции: физическая, политическая и моральная география» (*Tableau de la France: géographie physique, politique et morale*). Ж. ле Гофф отмечал, что Мишле помещает «Общую картину Франции» не в самое начало «Истории Франции», которую было принято отсчитывать с Античности, а в раздел, посвященный эпохе 1000 года, когда в сущности и появляется, благодаря усилиям Гуго Капета, историческое Королевство Франция [24: с. 17, 19-20]. Таким образом, «Общая картина Франции» не сводится к «банальной увертюре из данных физической географии, во все времена оказывающих влияние на историю», но является начальным этапом истории французской нации.

Мишле, конечно, нигде не говорит об исторической географии, хотя его книга имеет непосредственное отношение к тому, что будет пониматься под исторической географией в XX в. (как образец того, что Г. К. Дарби называл «*Geography behind History*», исследования влияний географической среды на историю). «История — это прежде всего география» (*L'histoire est d'abord toute géographie*), утверждает Мишле в начале своей книги [31: р. 2]. Отсюда его метод — политическое деление Франции определяется ее делением физическим и природным.

Основные тезисы Мишле отражают позицию ученого романтической школы, обратившегося к исследованию исторических основ

французской нации в ее современном виде: 1. История Франции начинается в феодальную эпоху: «Бесконечное разнообразие феодального мира, от которого сначала устают и взгляд и внимание, есть, тем не менее, откровение, суть (*révélation*) Франции, которая проявляется прежде всего в ее географическом облике» [31: р. 2 -3]. 2. Природное и физическое разнообразие Франции определяет ее разнообразие политическое: «Когда ветер развеял дымку тумана, скрывавшую во тьме германскую империю, нам предстала страна во всех своих местных различиях, перечеркнутая линиями гор и рек. Разделения политические здесь соответствуют разделением физическим. Каким бы не казались эти различия хаосом и смешением, это порядок, регулярность, неизбежная и фатальная. Удивительно! Наши восемьдесят шесть департаментов соответствуют, за немногим исключением, восьмидесяти шести *districts des capitularies*, которые в большинстве своем произошли из феодальных суверенитетов, и Революция, нанеся последний удар феодальности, тем не менее, повторила ее [31: р. 2]. 3. Для того чтобы описать политическое деление Франции, сделать ее исторический очерк, необходимо дать характеристики частям, ее составляющим: «Мы не можем начать разговор о феодальной или *провинциальной* (курсив наш. — Ф. К.) эпохе (последнее имя обозначает ее довольно удачно), без того, чтобы не дать характеристики всем провинциям» [31: р. 2].

В этих кратких характеристиках Мишле прежде всего описывает пространственные отношения, определяющие место каждой из провинций в истории Франции и ее судьбе.

Положение Лиона, торгового города в Южной Франции, при слиянии Соны и Роны, характеризуется всего в нескольких положениях: отмечается его пограничная роль, способствовавшая включению кельтов, еще в Античности, в круг цивилизованных народов. «Великий город Лион, с его выдающимся социальным духом, соединяющий народы как реки» [31: р. 56]. Далее найденный прием развивается в виде оппозиций: Лион как центр римской администрации и город Вселенских соборов; Лион как город христианских мистиков и одновременно центр торговли. В этих противоречивых фактах, по мнению Мишле, скрыт дух большого торгового города, там «человеческое сердце особенно нуждается в небе», а «оседлая жизнь ремесленника благоприятствует внутреннему волнению души».

Историческая география во Франции после 1850 г.

В этот период развитие историко-географической традиции определялось развитием позитивистских тенденций в науке. Прогресс традиционной исторической географии был связан с учреждением Комиссии по топографии Галлии (Commission de la topographie des Gaules, 1858) при Comité des Travaux Historiques et Scientifiques, которая была затем реорганизована в Комиссию по исторической географии древней Франции (Commission de Géographie Historique de l'Ancienne France, 1880). Параллельно этому процессу происходило становление французской школы географии, важную роль в котором сыграли географы Сорбонны, в частности Луи-Огюст Имли (Louis-Auguste Himly, 1823—1906), профессор географии Парижского университета (1862—1899).

Историческая география древней Галлии

Во Франции под исторической географией во второй половине XIX в. понимались прежде всего труды, посвященные реконструкции административного деления и топонимике древней Галлии. Это интеллектуальное движение аккумулировало в себе достижения современной классической филологии, археологии, но также и современной географии.

Э. Дежарден

Одним из примеров такого подхода являются труды профессора римской археологии Коллеж де Франс Эрнеста Дежардена (Ernest Desjardins, 1823—1886). В 1876—1885 гг. им был издан двухтомный труд «Историческая и административная география Римской Галлии» (Géographie historique et administrative de la Gaule Romaine). Подчеркивая важнейшую роль римского завоевания Галлии, Дежарден призывал историков перейти от описания политической истории к объяснению исторических процессов более глубокого характера: «задача историка сегодня состоит в том, чтобы меньше рассказывать о войнах... но в объяснении институтов и политических систем, которые превратили завоевание в ассимиляцию» [26: р. 2]. Историческая география у Дежардена носит вспомогательный исторический характер,

включая в себя элементы археологии и исторической этнографии: «что касается географа, его роль состоит прежде всего в том, чтобы уточнить границы завоевания, проследить новые административные деления, отыскать на земле следы военных походов; он также должен заниматься сбором драгоценных останков исчезнувших народов, реконструировать разрушенные города» [26: р. 3]. Исконная задача «древней географии» — отождествление древних названий с современными, равно как и задача реконструкции географических представлений античности, по мнению Дежардена, не входят в круг задач современной исторической географии. Вооруженная открытиями археологии, эпиграфики и современной географии, принципы которой были предложены Карлом Риттером и Элизе Реклю, историческая география должна заниматься изучением местности в определенный период времени, применяя те же методы, что применяются современными учеными для изучения современной географии [26: р. 14].

В соответствии с этими представлениями, Дежарден произвел в первом томе своего труда подробное сопоставление географии Галлии с физической географией регионов Франции, описал их почвы и климат, природные ресурсы, фауну и флору. Во втором томе давался исторический очерк завоевания Галлии, описывались различные способы ассимиляции этих территорий, организация управления, этнография кельтских народов.

О. Лоньон

Огюст Лоньон (Auguste Longnon, 1844—1911), профессор исторической географии Коллеж де Франс стал основателем французской научной топонимики. Этот подход к исторической географии он разрабатывал уже в своих первых крупных трудах, таких как «География Галлии в VI веке» (*Géographie de la Gaule au Vie siècle*, 1878). Целью этой работы была реконструкция географии Галлии во времена Григория Турского. Первая часть была посвящена языку и географическим терминами VI в., вторая — политической географии Галлии, третья — описанию топографии Галлии, данной Григорием Турским. В 1891 г., в рамках проекта по созданию топографических словарей для каждого департамента, Лоньон издал «Топографический словарь департамента Марна» (*Dictionnaire topographique du*

département de la Marne, 1891), ставший образцовым для изданий такого рода. В изложении Лоньона, который подробно изображает процесс замены галльских названий галло-римскими, затем франкскими, и т. д., историческая география этого департамента, расположенного на северо-востоке Франции, представляла собой прежде всего историческую этнографию, запечатленную в топонимике.

§3. Историческая география в Российской империи (до 1917 г.)

История и география в российских университетах

В отношении преподавания истории и географии университеты Российской империи, образованные по модели германских, следовали тенденции, объединявшей под единым названием разные по методам математическую географию и страноведение (в форме статистики). Так, в первые годы XIX в. география преподавалась на философских факультетах, включавших отделения (1) словесных наук и (2) физических и математических наук. Однако практика того, что формулировалось в университетской теории как география, зависела от сферы интересов имеющегося в наличии профессора. В первой половине XIX в. чаще всего, как, например, в Юрьевском (Дерптском) университете, профессор в российских университетах был историком и строил свои лекции по географии как приложение к курсу классической истории [55: с. 126].

Реформаторы образования следовали сложившейся практике. Университетский устав 1804 г. предусматривал принадлежность профессоров, в чьем ведении находилось чтение географии (профессор Всемирной Истории, Статистики и Географии, профессор Истории, Статистики и Географии Российского Государства) к отделению словесных наук. Однако уже университетский устав 1835 г. исключил географию из числа предметов, преподававшихся на кафедрах истории в российских университетах.

В 1850 г. философские факультеты университетов были реорганизованы. Отделения факультета сами стали факультетами: историко-филологическим и физико-математическим. Физическая география, таким образом, была выведена за пределы исторических факультетов. Кафедры политической экономии и статистики продолжали

существовать на историко-филологических факультетах до 1863 г., когда новый устав определил их в ведомство юридического факультета. География могла преподаваться историкам в виде специальных курсов, как в Казани, но это была не повсеместная практика. По указу 1884 г. в состав историко-филологических факультетов включались кафедры географии и этнографии, но, по мнению ученых того времени, это отрицательно сказывалось на уровне преподавания географии. Так, в Московском университете уже через несколько лет эта кафедра была переведена на естественное отделение физико-математического факультета. Кафедры политической экономии и статистики были упразднены.

Отношения истории и географии внутри университетского образования в Российской империи XIX в. свидетельствуют о весьма раннем институциональном разделении этих наук. Это может быть связано с (1) позитивистским характером дифференциации научных дисциплин, (2) особой ролью статистического направления в отечественной историко-географической традиции. С точки зрения позитивистской науки в XIX в. историческая география Российского государства не могла быть адекватно описана только на основании историко-филологического подхода; известные письменные античные и средневековые источники были пригодны для историко-географической реконструкции лишь небольшой части Российской империи. Однако дескриптивная география в российском варианте не стала приложением к курсам истории, но составила часть стремительно обретающей самостоятельность статистики, имевшей целью описание современной территории империи.

В результате историческая география словесных факультетов, основанная на историко-филологическом подходе, и историческая география статистических комитетов, связанная с практикой экономического районирования, картографией и т. д., оказались физически разделены. Гуманистическая традиция, соединяющая историю с географией, к примеру в трудах британской школы, в российском варианте оказалась слаба и прервалась в связи с усиливавшимися позитивистскими тенденциями в истории и географии. Среди рецензий на работу Н. П. Барсова (1873) особенное место занимает отклик Л. Н. Майкова [47]. По мысли Майкова, очерк исторической географии должен был

**Отделы российской исторической географии в начале XX в.
(по словарю Брокгауза и Ефрона)**

Отделы исторической географии	Авторы
Историческая география начального периода русской истории	Н. Барсов
Историческая география московского периода	Е. Е. Замысловский
История колонизации	Фирсов, Перетяткович, Ядринцев, Соколовский, Скальковский, Огородников, К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. Багалеи
Общие очерки исторической географии России	Н. Надеждин, И. Д. Беляев, Е. Е. Замысловский, Павлицев
Старинная картография	«Атлас исторический, хронологический и географический Русского государства, составленный на основании Карамзина» Ив. Ахматов (1829); «Исторический атлас России» Павлицева (1845); «Исторический учебный атлас» Е. Е. Замысловского (1865, 1869, 1887)

включать в свой состав учение о климате (его изменениях), о флоре и фауне, о почве, чего не было в книге Барсова. С. М. Середонин в ответ на эти требования, предложенные за сорок лет до выхода его собственного труда, констатировал, что «исполнить эти требования могли бы лица, обладающие как гуманитарным образованием, так и естественно-научным и притом в равной степени; в действительности этого условия пока не наблюдалось» [51: с. 13-14].

Под исторической географией, таким образом, долгое время понимали лишь традицию историко-филологических факультетов, описыва-

вающую преимущественно процесс освоения Московским государством территорий Евразии.

*Определение «исторической географии»
в российской исторической науке*

Область исторической географии определялась в соответствующей статье 86-томного энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона следующим образом: «Историческая география имеет предметом историю колонизации, историческую этнографию инородцев и построенную на той или другой историю областей». В данной статье также была представлена хронологическая классификация этапов исторической географии России в ее отношении к историографии (см. табл. 3).

Основания российской исторической географии

Если в российской науке к началу XIX в. и существовала традиция историко-географических исследований, то наибольший вклад в нее внесла не гуманистическая традиция «древней географии», а статистические (географические) исследования территории российского государства, предпринимавшиеся в XVIII столетии. Нельзя сказать, что российская словесность не знала примеров обращения к жанрам «священной» или «классической» географии, сыгравших столь важную роль в формировании историко-географического знания на Западе. Элемент библейской топографии включал в себя «церковно-беллетристические» описания Святой Земли (популярными в XIX в. были книги А. Н. Муравьева, А. С. Норова [48, 49]), во второй половине столетия под влиянием развития библейской критики появляются труды российских церковных историков по археологии и географии Святой Земли (путевые отчеты А. Олесницкого, очерки Н. Елеонского, учебник А. Соколова [40, 50, 52]). Однако все эти работы обычно объединялись названием «библейская география» и не включались в состав географии исторической.

Г. З. Байер — В. Н. Татищев

«Классическая география» находилась в несколько ином положении. Первые историко-географические реконструкции, предпринятые

первыми российскими историками еще в первой половине XVIII в., представляли собой перенос методов исследования античной географии на территории, вошедшие позднее в состав Российской империи. Хрестоматийный пример такого рода исследований — работы Готлиба Зигфрида Байера (Gottlieb Sigfried Bayer, 1694—1738). Немецкий историк, до переезда в Россию преподававший в Кенигсберге греческую литературу, предпринял изучение территории Древней Руси на основании данных античных источников. Его работы были посвящены попыткам выяснить происхождение скифов и определить места их древнейших поселений, описаниям Скифии по Геродоту и Руси по Константину Багрянородному.

Однако «классический подход» Байера, как известно, оказался включен его критиком и комментатором В. Н. Татищевым (1686—1750) в существенно иной методологический контекст. Историческая «концепция» Татищева, представленная в его «Русской Истории» (1768—1769, 1773, 1774, 1784, 1848), была увязана с программой составления подробной новой географии России, необходимой для успешного развития государства. Исследуя древнюю географию, Татищев, как и Байер, был занят составлением историко-географического и филологического комментария к тем же античным писателям, но фактически его метод провозглашал возможность антикварного историко-географического исследования всей территории Российской империи.

Петербургская и Московская школы

Впрочем, как явствует уже из приоритетов «Русской истории» Татищева, основу обзоров исторической географии России составила география русского средневековья, восходящая к методам исследования античной географии, и потому ориентированная на филологический подход.

Отечественные авторы XIX в., от Н. И. Надеждина (1804—1856, «Опыт исторической географии русского мира» в «Библиотеке для чтения» за 1837 г.) до Л. Н. Майкова (1839—1900), поддерживали этот историко-филологический синтез в своих работах [51: с. 8-18]. Историко-географические обзоры, как правило, составлялись историками, работавшими на историко-филологических факультетах университетов. Для историографии исторической географии особенно важны

школы Санкт-Петербургского и Московского университетов. Историкам Санкт-Петербургской школы принадлежат очерки исторической географии начального периода русской истории, исследования географических представлений иностранцев о Московском государстве XV—XVI вв. Московская школа (известная также как государственная школа русской историографии) внесла вклад в развитие исторической географии русской колонизации.

Историки Петербургской школы

Н. П. Барсов

Выпускник Санкт-Петербургского, впоследствии профессор Варшавского университета Николай Павлович Барсов (1839—1889) издал свой первый историко-географический труд (Материалы для историко-географического словаря древней Руси, 1865), когда служил учителем истории и географии в виленском учебном округе [33]. Словарь представлял собой указатель древнерусских географических названий (IX—XIV вв.) с привлечением всех летописных и древнеактовых известий о них. Указывалось, как древние географические названия относятся к современным географическим пунктам. Эта работа принесла ему серебряную медаль Императорского русского географического общества. Предметом исторической географии в работах Барсова выступала политическая национальная история, и поэтому он, в частности, предпочел начать с описания географии русских земель, «не чувствуя себя в силах работать» над исторической географией земель, «тогда исключительно принадлежавших инородцам Татарского и Финского происхождения» [33: с. vii]. В реконструкции исторической географии Руси на основании летописей Барсов применял метод, предложенный Н. И. Надеждиным — «достаточно предположить, к какому языку принадлежит имя — этим определится народ, который дал имя этому месту» [51: с. 10].

В 1874 г. Барсов был удостоен Петербургским университетом степени магистра русской истории за диссертацию по древнерусской исторической географии [34]. Книга представляла собой территориальный обзор Древней Руси, включавший в себя не только политическую географию, но и элементы этнографического описания земель между Киевом и Новгородом в IX—XIV вв.

Е. Е. Замысловский

Труды выпускника, впоследствии профессора Санкт-Петербургского университета Егора Егоровича Замысловского (1841–1896) были посвящены различным аспектам русской истории эпохи Смутного времени. Его докторская диссертация (1884) была посвящена географии России в XVI в., представшей глазам барона, дипломата и путешественника Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), который описал свои впечатления в труде «Записки о Московии» (1549). Книга Замысловского, содержащая великолепную просопографию Герберштейна, имела следующую цель: «критическое обозрение историко-географических известий Герберштейна о России, в связи с им предшествующими иностранными известиями, и данными, которые находятся в русских источниках...» [41: с. i-ii].

Выполненное Замысловским обозрение «географии России во времена Герберштейна» предполагало обращение к естественно-научным методам: «далеко не все обозреваемые известия оказалось возможным проверить или подтвердить данными, имеющими к ним отношение, в особенности те, которые касаются климата и почвы. Поэтому для оценки этого рода известий я счел необходимым войти в рассмотрение тех общих выводов, которые сделаны современной климатологией и могут служить ее выяснению и определению особенностей природы Восточно-Европейской равнины в отдаленные от нас исторические периоды. А эти физические особенности должны были иметь заметное влияние на жизнь народную и потому заслуживают внимания историка» [41: с. ii].

Стоит отметить, однако, что, по мнению позитивистской историографии, анализ географии с точки зрения одного Герберштейна вовсе не являлся полноценным очерком исторической географии России. С. М. Середонин, говоря о работе Замысловского, отмечал, что последний дал «подробный комментарий... известий Герберштейна и его замечания о климате, природе, флоре, фауне Московского государства развил в... очерки; едва ли, однако, эти очерки можно считать решающими затронутые вопросы:...едва ли Е. Е. Замысловский чувствовал себя уверенным в вопросах естествоведения. Как ни богаты географические сообщения Герберштейна, они... далеко не исчерпывают

географии Московского государства, и поэтому и книга Замысловского не имеет такого значения для Московского периода русской истории, какое книга Барсова имеет для начального периода» [51: с. 14].

Е. Е. Замысловский был также автором самого популярного атласа по русской истории, выдержавшего три издания (1865, 1869 и 1887). Призванный служить наглядным пособием, приспособленным к учебникам Соловьева и Иловайского, атлас, включавший во втором издании 16 карт и планов, имел целью «изобразить на каждой карте все историко-географические изменения России» с 862 г. по 1865 г. [42: с. v-vi]. В историко-географических заметках к атласу пояснялось, что карты призваны объяснить влияние физических условий страны на Славянское племя, определить этнографические границы каждого Славянского племени в отдельности, а также других племен, населявших Восточную Европу, указать главные пути русской колонизации, меры для обеспечения народонаселения от инородческих набегов, предоставить хронологические указания, относящиеся к основанию важнейших городов и монастырей и к открытию епархий, перечислить все приобретения и уступки по договорам. Вместе с объяснениями, которые прилагались уже ко 2-му изданию (1869), атлас представлял собой важнейшее учебное пособие по политической исторической географии во второй половине XIX в.

С. М. Середонин

Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Сергей Михайлович Середонин (1860—1916) был автором ряда работ, имевших отношение к исторической географии. Прежде всего это источниковедческий анализ сочинений английских путешественников, посещавших Московское государство. В 1892 г. Середонин был удостоен степени магистра русской истории за диссертацию «Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник». Кроме того, известен обзорный курс Середонина по русской исторической географии начального периода. Лекции, прочитанные профессором Середониным в Императорском петроградском археологическом институте, цитируются по посмертному изданию 1916 г. [51].

Предметом исторической географии, согласно этому изданию, являлось изучение взаимных отношений природы и человека в прошлом. «Как изменил человек природу, с одной стороны, как повлияла она на физическую и духовную организацию, с другой стороны, — вот вопросы, на которые должна бы ответить историческая география» [51: с. 1]. Несмотря на это уточнение, в котором отразилось влияние географических веяний второй половины XIX в., фактически работа представляла собой очерк исторической этнографии Русской равнины в период Средневековья.

«Историческая география... имеет своим предметом главнейшее определение территории, занятой тем или другим народом. Русская историческая география изучает, таким образом, прежде всего распределение славянских племен по Восточно-Европейской равнине, затем образование русского народа, дальнейшее колонизационное движение его, распадение на отдельные части. Она определяет границы русского государства в разные эпохи его существования, также границы составных частей государства, указывает местоположения пунктов, замечательных в историческом отношении, а также направление путей. Наконец, она изучает народности, с которыми русскому народу приходилось сталкиваться». Лишь в конце этого определения мы находим две строчки, которые касаются собственно географических тем: «ИГ, — пишет Середонин, — изучает *климатические и географические* (курсив наш. — Ф. К.) условия, в которых жил русский народ» [51: с. 1]. Важной частью лекций Середонина был историографический обзор русской исторической географии предшествующего периода.

Близкой по своим хронологии и методу была работа выпускника Казанского университета Степана Кировича Кузнецова (1854–1913), ценная своим обзором исторической этнографии Поволжья и территории финноугорских племен [45].

Историки Московской школы

С. М. Соловьев и О. Л. Ключевский

Идея, которая послужила в XIX в. основой пространственной интерпретации русской истории, была сформулирована в трудах знаменитых историков — Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879) и его ученика Василия Осиповича Ключевского (1841–1911).

Главный труд С. М. Соловьева — «История России с древнейших времен» (29 томов, 1851—1879) — содержал в себе все передовые идеи историографии того времени: история России рассматривалась как часть последовательного исторического развития Европы, что предполагало ее подчиненность общим историческим законам, но также и возможность выявления неких специфических для российской истории процессов. Соловьев нашел эту специфику в колонизации.

В статье «Тернер, Соловьев и «Тезис о фронтире»: национальное значение открытых пространств» английский географ М. Бэзин (Marc Bassin) сравнивал намерения Соловьева с интенциями американского историка Тернера — автора тезиса о фундаментальной роли движения на Запад в американской истории — и характеризовал обе концепции как пример национально ориентированной историографии, в которой принципы инвайронментализма или географического детерминизма были использованы в качестве объяснения исторической эволюции страны и формирования ее особенного национального этоса [57: р. 476].

Первый том *opus magnum* Соловьева по законам жанра начинался с географического обзора территории. В этой главе, которая называется «Природа Русской государственной области и ее влияние на историю», он выдвигал свой тезис, говоря в первую очередь о «распространении русских владений в Сибири» как о недавнем, и более ясном с исторической точки зрения, образце того движения, которым «распространялись русские владения и по сю сторону Уральского хребта»: «здесь также могли иметь место стычки с туземцами, которые приходили иногда разорять новые поселения, отказывались платить ясак; но здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно принимается в истории завоевание, одним словом, и там и здесь преимущественно происходило *население, колонизация* (курсив наш. — Ф. К.) страны. Что сказано о Севере России, то может быть сказано и о других областях...» [53: с. 58].

Этот род исторической экстраполяции, конечно, не мог быть назван исторической географией, которая, как мы знаем, мыслилась как совершенно определенная вспомогательная дисциплина — и Соловьев нигде не употребляет этого термина. Далее он делал вывод о характере движения русского народа в пустынных пространствах и о том, как последние повлияли на политическое устройство русского госу-

дарства: «мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о построении городов, о населении пустынных пространств... Малонаселенность страны, постоянное стремление владельцев увеличивать население своих земель с ущербом государственному интересу, вызывали меры, имевшие целью удержать народонаселение на прежде занятых им пространствах... государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации: господствующее племя — славянское — выводит поселения свои все далее и далее вглубь Востока» [53: с. 58].

Ключевский продолжил разработку темы в «Курсе русской истории»: исторический метод Ключевского опирался на два принципа: 1) сущность истории состоит в исследовании исторической социологии — многообразия переменчивых сочетаний внутренних и внешних условий развития; таким образом, любое исторически сложившееся общество есть местное сочетание этих условий; 2) конкретное историческое исследование представляет собой исследование этих местных условий. Ключевский говорил о нескольких исторических силах, «которые строят человеческое общежитие», — человеческая личность, людское общество и *природа страны* (курсив наш. — Ф. К.). Таким образом, он искал местное сочетание действия этих исторических сил, некий рецепт, породивший Россию.

Колонизация как основной факт русской истории

Создателем таких сочетаний в русской истории, по мнению Ключевского, была колонизация. Ключевский начинает историю России с момента вступления на юго-западную часть Русской равнины восточных главян, с их первого движения. Долгое время, отмечает Ключевский, славянское население не расселялось, а переселялось, «переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядясь на новые» [44: с. 50], попадая снова и снова под действие новых условий — как физических особенностей нового края, так и новых внешних отношений. Отсюда — каждый раз новое сочетание, особое направление народной жизни, особый склад и характер.

В этой связи Ключевский говорил о периодизации русской истории как о периодизации главных моментов колонизации. «Ряд этих периодов — это ряд привалов, которыми прерывалось движение русского на-

рода по равнине, и на каждой наше общежитие устроялось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке» [44: с. 51]. Отсюда — определение этих периодов, с указанием господствующих политических и экономических фактов, и также территории, на которой в данный период сосредоточивалась масса русского населения, делавшая историю (табл. 4).

Таблица 4

**Периодизация русской истории как периодизация
главных моментов колонизации (по В. О. Ключевскому)**

Период	Характеристика	Географическое содержание	Историко-социологическое содержание
VIII - XIII вв.	<i>Русь Днепровская, городовая, торговая</i>	Средний и верхний Днепр с его историческим водным продолжением — линией Ловать - Волхов	Политическое дробление земли под руководством городов. Внешняя торговля с вызванными ею промыслами и звероловством
XIII – сер. XV вв.	<i>Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая</i>	Верхняя Волга с притоками	Удельное дробление Верхневолжской Руси под властью князей. Земледелие посредством вольного крестьянского труда
Сер. XV – второе десятилетие XVII вв.	<i>Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая</i>	Расширение от области Верхней Волги на юг и восток, объединение Великороссии под властью московского государя	Земледелие в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны
XVII – сер. XIX вв.	<i>Период есероссийский, императорско-дворянский, крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского</i>	Распространение русского народа по всей равнине от Балтийского моря до Черного, до Кавказа, Каспия и Урала, и даже далее	Образование Всероссийской империи руками военно-служилого дворянства. Земледельческий крепостной труд, обрабатывающая промышленность

Концептуальная схема Ключевского также не имела отношения к той прикладной области, в которой было отведено место для исторической географии, но именно она оказалась наиболее влиятельной пространственной интерпретацией исторического процесса в русской историографии. Именно в связи с ней появляются следующие работы.

М. К. Любавский

Матвей Кузьмич Любавский (1860—1917), приват-доцент (1894), экстраординарный (1901), а затем ординарный профессор (1902), декан историко-филологического факультета, ректор (1911—1917) Московского университета, впрочем, продолжавший работать там и далее, читал лекции по исторической географии с 1894 г. Классический курс Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией» вышел отдельной книгой в 1909 г., это было гектографическое издание студенческих конспектов. В этой работе ученик Ключевского развивал его тезис о решающем значении географических условий России для ее исторического развития. В основу курса М. К. Любавского легла схема колонизации, предложенная В. О. Ключевским.

Любавский совместил традиционное определение исторической географии с динамическим принципом: «Изложение исторической географии России по самому существу дела необходимо связывается с историей колонизации нашей страны русским народом... Предметом этой науки являются: территория, которую занимал русский народ в разное время, размещение на ней населения, его состав, политические деления, промышленные занятия и т. д.» [46: с. 3].

Историческая география России в изложении Любавского — имперская география, в которой роль *dominant race* отводится славяно-русскому народу, «путем расселения» которого создавалась «народно-государственная территория России». Только 10% территории империи — Финляндия, Остзейский край, Литва и Польша, Закавказье и южная половина русского Туркестана — были напрямую завоеваны, все остальное сделалось достоянием русского народа вследствие его расселения, хоть и не бескровного. Отсюда — история колонизации дает объяснение политических делений Руси в разное время, смены политических центров и т. д.

Соображения внутреннего свойства связаны с изменениями научной задачи исторической географии, на которые указывал в упомянутой рецензии Л. Н. Майков. Речь идет о влиянии на историческую географию методологии географического детерминизма, характерной для данного периода. «Выяснение влияния внешней природы на человека является преимущественной задачей исторической географии... Указанная задача исторической географии в отношении России выполняется лучше всего именно изложением истории русской колонизации. Эта история дает множество ярких иллюстраций и доказательств могучего влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни, на развитие культуры и гражданственности» [46: с. 5-6].

В этой связи основным вопросом, на который, по мнению Любавского, должна дать ответ история русской колонизации, является, «почему русский народ разбросался в Восточной Европе и северной Азии — на территории, далеко не соответствующей его численности». Именно от факта этой разрозненности, от факта географической, пространственной разбросанности русского населения происходят многие актуальные проблемы истории России, о которых Любавский говорит в преддверии своего изложения — замедленность экономического развития и специализации, общественного прогресса, народного благосостояния. Кроме того, по мнению Любавского, составлявшего эти свои лекции уже после первой русской революции, важнейшим и также связанным с этой разбросанностью является и вопрос о недостаточном развитии общественной самодеятельности, обратной стороной чего является проблема развития русского государственного абсолютизма. Он пишет: «Центральная власть на Руси потому и достигла непомерного развития, что ей пришлось иметь дело с разреженной и потому податливой народной массой и почти всецело взять на себя заботы и попечения об общем благе, об общих интересах» [46: с. 11-12].

Условно курс Любавского можно поделить на две части, каждая из которых восходит к двум традициям русской исторической географии. В первой части (1–10 главы), которая опирается на традицию изучения начального периода русской истории, показана этнографическая обстановка процесса восточнославянской колонизации и дви-

жение от разобщенных островов славянской оседлости на территории, заселенные другими, финноугорскими и балтскими племенами, их ассимиляция.

Таблица 5

Этапы русской колонизации Сибири (по М. К. Любавскому)

Период	Географическое содержание	Мотивы колонизации	Характер колонизации
Кон. XVI – сер. XVII вв.	Занятие Западной и Восточной Сибири. Создание сети разбросанных городков и острожков, для того, чтобы держать в подчинении инородцев и собирать с них ясак	Сбор ясака, истощение пушных запасов, надежды об ископаемых богатствах	Частная инициатива, поддерживаемая правительством
Кон. XVII – нач. XIX вв.	Присоединение Камчатки, освоение верхней части русского Иртыша и Оби, учреждение защитных крепостей на юге Сибири - Омской, Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской	Желание государства удалить из общества вредные элементы и обратить их себе на пользу	Почти исключительно принудительный характер
XIX в.	Занятие левого берега Амура, присоединение Уссурийского края, основание Владивостока (20 июня 1860 г.)	Экономический мотив, попытки посредством занятия Сибири бороться с перенаселением центральных губерний и малоземельем крестьян	Принудительная колонизация постепенно сменяется добровольной крестьянской, особенно в 80-90-х гг.

Вторая часть (с 11 главы) восходит уже к исторической социологии и тезису о колонизации В. О. Ключевского — это описание передвижений русского населения в эпоху татарского нашествия и после. Здесь уже и движение населения и текст лекции становится экстенсивным и стремительным — в кратких очерках показаны общие черты монастырской колонизации, «реконкисты» степи, присоединения Казанского ханства и нижнего Поволжья, колонизация Сибири.

Описание последней проблемы особенно для нас интересно. Основной вопрос, занимающий Любавского по отношению к Сибири, заключается в том, какие причины обусловили занятие русским народом этой суровой страны — несмотря на то что «под боком у него, на юге расстилались черноземные «дикие поля», невозделанные степи с разнообразными богатыми угодьями», почему русское население так широко разбросалось по этой стране? [46: с. 290]. Любавский говорит о нескольких этапах этой колонизации (см. табл. 5).

Интерпретация колонизации, предложенная Любавским, которого по политическим убеждениям можно было назвать государственным, или даже монархистом (ректор Московского университета был близок к «Союзу 17 октября»), безусловно, была призвана показать решающую роль государства в колонизационных процессах.

Очевидно, впрочем, что этот тезис представителя «государственной школы русской историографии» не был следствием одной только политической позиции автора. Об этом свидетельствуют материалы, происходящие из оппозиционного лагеря, например работы сибирских областников.

Областники

Во второй половине XIX в. в России возникает историографическое направление, чьи взгляды на колонизацию российских пространств в известной мере были противоположны взглядам государственной школы. В Сибири это движение, чью основную силу составляла провинциальная интеллигенция, получило название *областничества*. Историк церковного раскола А. П. Щапов (1830—1876) представил в своих работах историю России как историю областных масс народа. Зарождение русского социума рассматривалось как история вольно-народной колонизации свободных земель. По мнению Щапова, Россия до начала централизации представляла собой совокупность «областей» — самоуправляющихся общин, на основе племенного деления объединявшихся в «конфедеративный союз всея земли русской». В начале XVIII в. эта *естественно-историческая цельность земли* была окончательно нарушена, и власть отошла «от народа к государству».

Н. М. Ядринцев

В соответствии с мыслью Щапова о том, что, утратив собственность на землю, областные общества (земства) должны использовать в качестве *источника производительности* знания, деятельность следующего поколения областников была направлена на статистическое (географическое) описание российских колоний в Сибири и просветительскую, педагогическую деятельность в провинции.

Н. М. Ядринцев (1842—1894), публицист, общественный деятель, географ и краевед в год 300-летия присоединения Сибири к России издал в Петербурге труд «Сибирь как колония» (1882). Ядринцевым было составлено физико-географическое, экономико-географическое, этнографическое и историко-географическое описание сибирских колоний. Целью его было «рассеять предубеждение и ложное понятие о нашем Востоке, сложившееся по его начальному прошлому, и показать, что этот край мог бы при лучших условиях быть страной довольства, богатства и счастья» [56: с. ix]. Сибирь в ее состоянии на конец XIX в. объявлялась Ядринцевым по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало» [56: с. 190]. Исходя из этого, Ядринцев требовал для Сибири специальных реформ: ликвидации ссылки, лучшей поддержки добровольных переселений, учреждения самостоятельного сибирского внутреннего рынка, защиты коренного населения, улучшения систем управления и образования. Осознание колониального положения Сибири, как и ее будущих перспектив, было следствием анализа областниками колониального опыта других государств, в частности США².

П. М. Головачев

Влияние областнической идеологии, под влиянием которой происходило соединение колониальной традиции статистических описаний с краеведческими розысканиями, стало в конце века одним из пер-

---

² Ремнев А. В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142-156.

спективных источников развития исторической географии. Пионером изучения и преподавания экономической и исторической географии Сибири был П. М. Головачев (1862—1913). Уроженец г. Кузнецка Томской Губернии, он был выпускником историко-филологического факультета Московского университета и учеником В. О. Ключевского. После защиты диплома работал в средних учебных заведениях сибирских городов, в том числе с 1893 г. в Тюменском Александровском реальном училище, где преподавал историю, географию и русский язык. С 1901 г. был утвержден приват-доцентом кафедры русской истории в Московском университете.

Как публицист, Головачев участвовал во многих периодических изданиях, в том числе в газете областников «Восточное обозрение». Предметом этих его работ, как и более академических, было изучение современного состояния Сибири. Так, в статье «Тюмень как гнездо народного невежества» (Тобольские губернские ведомости. 1894. № 47) на основании статических данных было описано состояние народного просвещения в старейшем сибирском городе. По мнению Головачева, «заметную отсталость этого города в культурном отношении... можно вполне удовлетворительно объяснить на основании изучения местной истории»³.

Публицистические работы были следствием основательных исследований Головачева в области экономической и исторической географии Сибири. Головачев первым начал читать курс экономической географии Сибири в Москве и Санкт-Петербурге (в университетах, в Московском коммерческом институте, в Петербургском политехническом институте на экономическом отделении). В этой связи им был составлен учебник (1914) [39], представлявший собой обзор экономической географии Сибири, в котором были обобщены многочисленные частные исследования и статистические обозрения.

Наконец, Головачев был одним из первых профессионалов в области историко-географического изучения Сибири. Курсы по исторической географии Сибири читались им в Императорском московском археологическом институте (1913), где он накануне своей смерти был

---

³ Головачев П. Тюмень как гнездо народного невежества // Тобольские губернские ведомости. Кн. I. Тюмень, 2003. С. 73.

избран на должность профессора на кафедре исторической географии, и в Московском и Петербургском университетах. Основой этих курсов было изложение обстоятельств «вольно-народной колонизации, которой в общем противодействовало, но которую не могло остановить правительство» [36: с. 43].

Головачев также издал ряд историко-географических работ, главной темой которых были экономический быт и состав населения сибирских городов XVI и XVII вв. Работая в архивах, он выявил много новых материалов и документов, которые были опубликованы в составленных им сборниках: «Первое столетие Иркутска» (СПб., 1902), «Томск в XVII веке» (СПб., 1902), «Тюмень в XVII столетии» (М., 1903). Так, книга «Тюмень в XVII столетии» (переиздана в Тюмени в 2004 г.) была сборником документов, обнаруженных Головачевым в архивах Москвы и Петербурга, к которому прилагался очерк «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.» и старинная карта города. Историко-географический подход в этих работах являлся анализом совокупности условий, определявших жизнь места в истории: «только детальный разбор мелких фактов экономической истории целого ряда сибирских городов XVII в., при тщательном сравнении полученных результатов топографически и хронологически, может послужить прочным базисом для заключения о жизни, характере и значении сибирского города в этом столетии...» [38: с. 195].

Глава 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В XX В.

§1. Американская школа исторической географии в XX в.

История и география в США в XIX — начале XX в.

Первые попытки ввести географию в университетские курсы в США принадлежали историкам и относятся еще к началу века. С 1820-х гг. география внедряется в американское образование как приложение к курсу классической истории. Профессиональное разделение истории и географии на университетском уровне обозначается в середине века, когда география появляется в списках предметов крупнейших американских университетов (Гардвард — 1841, Принстон — 1854, Корнель и Висконсин — 1868, Йель — 1875) [3: р. 35]. Первоначальная связь географии с историей, как и в российском случае, прервалась под воздействием позитивистских представлений о географии, привнесенных в американские университеты из германских (и французских). Большое влияние на развитие американской географии оказала геология, так что к концу века в некоторых университетах география преподавалась на факультетах геологии. Первый отдельный географический факультет был открыт в 1898 г. в Беркли (Калифорния) в составе Колледжа коммерции. В конце XIX — начале XX в. академические сообщества американских историков и географов были уже значительно обособлены. В XX в. направление, получившее название «историческая география», в американском варианте развивалось преимущественно географами. Начальный этап этого развития определяла методология инвайронментализма (географического детерминизма), связанная с трудами немецкого географа и антрополога Фридриха Ратцеля (Friedrich Ratzel, 1844–1904).

Географический детерминизм

Хотя вклад германской школы в развитие географии отнюдь не ограничивался влиянием Ратцеля, именно этот немецкий географ ока-

зал наиболее значительное влияние на американских ученых начала XX в. Ратцель был автором книги «Антропогеография» (Anthropogeographie, 1882–1891), положившей начало соответствующему направлению в географии. Целью антропогеографии было изучение влияния географической среды на человека и на культуру, на весь комплекс явлений, связанных с человеческой жизнью. Антропогеография отличалась от этнографии тем, что не рассматривала явления человеческой культуры вне их географической обстановки и распределения в пространстве. Таким образом, во втором значительном труде Ратцеля — «Народоведении» (Völkerkunde, 1886–1888) — современное человечество изображалось в виде совокупности «кругов народов», отражающих географическое распределение разных типов культурного состояния человечества.

Э. Ч. Сэмпл

Антропогеография Ратцеля предполагала, что «географическое воззрение (рассмотрение нынешних условий) должно идти рука об руку с «историческим разъяснением» (рассмотрением развития)» [58: с. viii]. Такая возможность введения исторического подхода в географическое исследование оказалась привлекательной для большого количества американских географов. «Народоведение» Ратцеля было переведено на английский еще при жизни автора (The History of Mankind, trans. by A. J. Butler. N. Y., 1896–1898), а первая работа стала известна в «упрощенном» переложении американского географа Эллен Черчилль Сэмпл (Ellen Churchill Semple, 1863–1932). Энтузиазм Сэмпл по отношению к идеям Ратцеля был столь велик, что она пересекла океан, и несмотря на то что женщина в 1891 г. не могла быть принята в университет Лейпцига, где преподавал Ратцель, добилась разрешения посещать его занятия. После возвращения в 1897 г. в США Сэмпл быстро завоевала авторитет в академической среде.

По выражению Ричарда Хартшорна (Richard Hartshorne, 1899–1992), книга «Влияния географической среды на основе антропогеографии Ратцеля» (Influences of Geographic Environment on the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geography, 1911) и другие работы Сэмпл по продвижению идей Ратцеля, среди которых «Американская история и ее географические условия» (American History and Its

Geographical Conditions, 1903), задали направление развития американской «географии человека» (общественной географии, human geography) на четверть века [62].

Работа Сэмпл «Влияния географической среды» представляла собой образец метода, который в американском варианте известен под названием «инвайронментализм» (от англ. *environment* «обстановка», «окружающая среда»). *Инвайронментализм (географический детерминизм) как географический метод предполагал признание решающей роли окружающей среды в развитии человеческого общества, и как метод исследования применялся как по отношению к современному человечеству, так и человечеству историческому.* Книга 1911 г. не была переводом, поскольку Сэмпл полагала, что немецкий язык Ратцеля труден даже для самих немцев, метод географа отчасти поэтический, и многие из выводов «Антропогеографии» основаны на индуктивных обобщениях, логика которых может быть потеряна при переводе. Для того чтобы поместить книгу Ратцеля в иноязычный контекст, она «переработала некоторые темы соразмерно их значению» для англоязычных читателей [68].

Первая глава называлась «Действие географических факторов на историю» и начиналась со слов «Человек есть продукт земной поверхности». Ее основным выводом было утверждение, что историю необходимо рассматривать как «последовательность географических факторов, воплощенных в событиях» [68]. Далее рассматривались многочисленные варианты и комбинации факторов, таких как географическое расположение, площадь территории проживания, протяженность границ и т. п.

В историко-географическом подходе «инвайронменталистов», с точки зрения историков, было несколько существенных изъянов. Во-первых, избирательность в выборе источников, поскольку теоретический вывод предшествовал у них историческому примеру, одни из которых, как в случае с процитированной работой, — могли выбрасываться из текста работы, и взамен них подбирались другие. Сэмпл «адаптировала» немецкую работу путем введения новых американских примеров. Во-вторых, само отношение к источникам было некритическим, в качестве последних избирались даже хрестоматии и популярные работы.

Ф. Дж. Тернер

О сложностях междисциплинарных отношений в конце XIX — начале XX в. свидетельствуют факты научной биографии важнейшего американского историка Фредерика Джексона Тернера (Frederick Jackson Turner, 1861 — 1932). Тернер получил историческое образование в классическом духе в университете штата Висконсин. Насколько можно понять, география входила в его курс только в качестве факультативных занятий. Наставником Тернера был историк — античник Уильям Аллен (William Francis Allen), поощрявший всестороннее развитие своих студентов. Историческая география в его понимании представляла собой практику составления карт, иллюстрировавших течение исторических процессов [66: р. 10]. Тернер был также чрезвычайно активен в своих контактах с представителями других специальностей, в том числе естественно-научных, и, следовательно, они были возможны. В 1885 г. при написании статьи о штате Висконсин для нового издания Британской энциклопедии он оказался соавтором геолога Томаса Чемберлена (Thomas C. Chamberlin, 1843— 1928), причем Чемберлен создал лишь геологическое и физико-географическое описание штата, а то, что называется очерком экономической географии, с блеском выполнил историк Тернер.

Тезис о фронтире

География была неотъемлемой частью комплексного видения истории, которым обладал Тернер. Американская история, по его мнению, не могла рассматриваться в отрыве от ее физической географии, так же как и от всемирной истории [69: р. 30-31].

Именно эта мысль послужила основанием «тезиса о фронтире», который Тернер сформулировал в 1893 г. Доклад назывался «Значение фронта в американской истории» (The Significance of the Frontier in American History). Перепись 1890 г. отметила, что линия границы населенной территории США — собственно, фронт — граница (англ. *frontier*), которая с начала заселения Америки европейцами постоянно двигалась на запад, утратила свою цельность. Оставшиеся незаселенными области оказались со всех сторон окружены заселенными, и таким образом, процесс колонизации, с которым была нераз-

рывно связана предшествующая американская история, подошел к концу. Это требовало осмысления.

Тернер был не согласен с принятой ранее точкой зрения, утверждавшей, что американская история является лишь развитием политических и социальных институтов, перевезенных из средневековой Англии или Германии. Америка рассматривалась им как нечто большее, чем продолжение европейской культуры. По мнению Тернера, именно *развитие фронта — подвижной границы между освоенной и неосвоенной территориями* — определило специфический характер американского народа и природу институтов его государства, обеспечив американцев экономическими свободами и новой моделью демократии. «Существование свободных земель, их постепенное сокращение, и продвижение американских поселений на запад есть объяснение американского развития» [69: р. 36].

Развитие общественных институтов и американского национального характера, таким образом, было увязано с географическим пространством, а именно, с естественными природными преградами, с которыми американцы сталкивались в конце каждого из периодов колонизации. В своем докладе и многочисленных дальнейших работах Тернер наметил эти рубежи, на каждом из которых общественное устройство поселенцев заново совершало свою правовую и политическую эволюцию.

С точки зрения Тернера, наиболее важным эффектом фронта было укрепление/продвижение демократии *здесь и в Европе* (курсив наш. — Ф. К.) (But the most important effect of the frontier has been in the promotion of democracy here and in Europe) [69: р. 56]. Фронтпр способствовал развитию индивидуализма. Жизнь в дикой местности приводила к складыванию примитивной организации, опиравшейся на семью. Эта тенденция была антисоциальна. Возникла антипатия к любому виду контроля, и особенно к прямому контролю. Этот индивидуализм способствовал распространению демократии.

«Теория фронта» оказалось настолько же важной пространственной интерпретацией национальной истории, как российская колонизация, или британское «владычество над морями», в связи с чем концепция сразу была интегрирована в национальную историографию.

Влияние географии на политическую историю

Тернер стал известен благодаря концепции фронтира, но сам настаивал, что не менее значительным фактором американской истории являются также «секции» (sections) — группы штатов, традиционно объединяемые сходной политической ориентацией. «Секции» представлялись Тернеру производной характерных географических условий, взаимодействующих с населением данного региона (outcome of the deeper-seated geographical conditions interacting with the stock which settled the region) [70: р. 591]. Представление о «секциях» вводило в политическую историю США географический элемент, и, по Тернеру, «секции» были более важным историческим фактором, чем штаты, рассматривавшиеся как чисто политические агенты, вне географии.

Тернер и географы

В связи с этой интерпретацией американской истории, которая была представлена Тернером в классическом виде в апреле 1914 г. на совместном заседании Американского географического общества и Ассоциации американских географов [70], мы можем вернуться к вопросу об отношениях историков и географов в области исторической географии. Тернер активно сотрудничал с географами, даже отождествляясь с ними в глазах коллег-историков [63: р. 159]. Критики Тернера порой причисляли его к инвайронменталистам. Однако, как отмечал Д. Холтгрив (Donald G. Holtgrieve), если в ранних работах историка и встречаются пассажи в этом духе, в основной части работ его подход к американской истории отличается стремлением учесть всю совокупность факторов, не только географических, и ни один из них не является определяющим [63: р. 161]. Таким образом, «взгляды Тернера, отличавшиеся от детерминизма его коллег-географов, в частности Э. Сэмпл, тем не менее, позволили ему занять место в их лагере (это касается, по крайней мере, его философских представлений). Этим объясняется, в частности, постепенный упадок интереса к его теориям в социальных науках, и их сегодняшняя роль в современной географии, как... повода к размышлениям о фронтирах и регионах» [60: р. 32].

Большой интерес представляют личные контакты Тернера с географами инвайронменталистами. Факты такого сотрудничества поз-

воляют некоторым автором относить Тернера к числу основателей американской исторической географии, хотя сам он этого термина не использовал. В начале XX в. центром развития этого направления был Чикагский университет, где в 1903 г. была открыта кафедра географии. К 1907 г. относится попытка Тернера организовать дискуссию между географами и историками в рамках ежегодной сессии Американской исторической ассоциации в Мэдисоне, куда были приглашены чикагские инвайронменталисты, в том числе Сэмпл и Х. Бэрроуз. Сэмпл впоследствии отзывалась об этой встрече, на которой ее доклад был подвергнут со стороны историков резкой критике, довольно прохладно: «Кругозор историков довольно узок... есть только несколько исключений... Достаточно упомянуть перед исторической ассоциацией о влиянии географических факторов, и полетели клочья», дальнейшие попытки организации подобных встреч были также бесплодны [60: р. 38-39, 65: р. 538].

Х. Бэрроуз

Харлан Бэрроуз, профессор географии Чикагского университета с 1904 до 1942 г. читал курс «Влияние географии на американскую историю» (*Influence of geography on American History*), в 1923 г. переименованный в «Историческую географию Соединенных Штатов» (*Historical Geography of the United States*). Целью его курса было «изучение географических условий, повлиявших на ход американской истории» [64: р. 634]. В начале XX в. Бэрроуз, испытавший влияние Тернера и особенно Сэмпл, придерживался позиций инвайронментализма, но впоследствии периориентировал свой курс в соответствии с новыми тенденциями в «географии человека» — региональным подходом и попсибилизмом, о которых пойдет речь ниже.

Историческая география как отрасль «human geography»

С начала XX в. историческая география в США осознается как часть географии человека (*human geography*), *отрасли географии, изучающей взаимное влияние человеческих обществ и природной среды и уделяющей особенное внимание проблемам пространственного распределения человечества*. Развитие американской ис-

торической географии в 1920—1930 гг. характеризовалось критикой инвайронменталистской теории и возникновением интереса к исследованию культурных ареалов и пространственных различий на территории континента.

Важнейшими представителями американской исторической географии в период между мировыми войнами были Ральф Браун (Ralph H. Brown, 1898—1948) и Карл Зауэр (Carl O. Sauer, 1889—1975).

Р. Браун

Взгляды этого ученого, большая часть профессиональной карьеры которого была связана с университетом Миннесоты, были близки представлениям его британских коллег, в частности Дарби. Суть историко-географического подхода Брауна, представленного в его статьях и двух важнейших монографиях, составляли реконструкции географии прошлого отдельных регионов США, которые выполнялись на основе исследования исторических источников документального характера [3: р. 36; 77: р. 72-76]. Особый интерес представляют книги Брауна, ставшие классикой американской исторической географии.

Изданная в 1943 г. работа «Зеркало для американцев: портрет Восточного Побережья в 1810 г.» (Mirror for Americans: Likeness of the Eastern Seaboard, 1810) была посвящена реконструкции географии прошлого старейшего и, казалось бы, наиболее хорошо известного района Соединенных Штатов. Браун применил к его исследованию особый метод — он написал географию (портрет — likeness) Атлантического побережья в начале XIX в. с точки зрения обычного человека этой эпохи, и на основании только тех документов — географических описаний, карт, научных сочинений, которые могли быть доступны этому воображаемому автору (Браун назвал его Томасом Кейстоуном (Thomas P. Keystone)) в 1810 г. Используя в качестве образца один из географических трактатов той эпохи, Браун и в стиле изложения, и в иллюстрациях старался соответствовать исследуемому им времени [73]. Такой подход, по выражению Дарби, придавал тексту особое очарование [91], но также, поскольку Браун постоянно цитировал первоисточники, сделал книгу полезной для последующих исследователей этого региона.

В монографии Брауна «Историческая география Соединенных Штатов» (Historical Geography of the United States, 1948) метод первой книги был распространен на территорию всего континента. Во введении к работе Браун отмечал, что историко-географический метод реконструкции «географии прошлого» «зависит от оригинальных свидетельств очевидцев и современных им карт. Доступность таких источников определяет пространственные и временные рамки исследования региона»⁴. Таким образом, книга была посвящена реконструкции географии прошлого основных регионов США с того момента, как эта реконструкция могла быть обеспечена документальными источниками и картами. Поскольку индейцы не оставили письменных источников, историческая география США в таком прочтении совпадала с началом колонизации материка и этапами продвижения фронта, что отражалось в названиях глав и разделов, которых в книге было шесть: «Период колонизации», «Атлантическое побережье в начале XIX в.», «Река Огайо и регионы к югу от Великих Озер к 1830 г.», «Новый Северо-Запад, 1820–1870», «Великие Равнины и пограничные регионы, до 1870», «От Скалистых гор к Тихоокеанскому побережью, до 1870 г.».

К. О. Зауэр

Карл Ортуин Зауэр учился на отделении географии Чикагского университета, а большая часть его академической карьеры оказалась связана с университетом в Беркли (Калифорния). Это перемещение в пространстве отражает и методологическую эволюцию Зауэра, который, критикуя географический детерминизм своих чикагских учителей, сформулировал в Калифорнии сделавшую его известным концепцию культурного ландшафта. Зауэр предложил эту концепцию в трактате «Морфология ландшафта» (Morphology of Landscape, 1925). Эта работа была посвящена изложению модели географических исследований, в основе которой лежало представление о ландшафте. По мысли Зауэра, *ландшафт — основной объект географии, географическое соединение фактов* [80: р. 300], которое невозможно рассматривать вне генетического (исторического) измерения. На формирова-

---

⁴ Brown P. Historical Geography of the United States. Orlando, 1948. P. iii-iv.

ние любого ландшафта оказывают влияние не только природные, но и культурные факторы. Данное «отражение деятельности людей на местности» было названо культурным ландшафтом [80: р. 303]. Последовательная смена культур на определенной территории предполагала и последовательную смену культурных ландшафтов, и целью исторической географии, таким образом, объявлялась реконструкция ландшафтов прошлого.

Историко-географический подход Зауэра, ориентированный на изучение динамического аспекта географии прошлого, отличался от статического подхода Брауна и на уровне частных методов исследования. Зауэр подчеркивал значение полевой работы (основу исследований берклийской школы составляли материалы, собранные в Латинской Америке и на юго-западе США), наиболее близкими научными связями исследователей культурного ландшафта стали связи с антропологией.

Исторический подход к ландшафту стал составной частью метода культурной географии (так обычно именуется школа Зауэра, применившая идею культуры к географической проблематике). Зауэр воздал ему должное в президентском обращении к Ассоциации американских географов в 1941 г. Речь называлась «Введение в историческую географию» (Foreword to Historical Geography) [79]. Характер работ школы культурной географии становится ясен, например, из списка проблем исторической географии, которые Зауэр называет в этом докладе: 1) процессы физической географии, оказывающие воздействие на человека; 2) влияние человека на физическую географию; 3) места поселений; 4) структура поселений; 5) типы жилищ; 6) отношение использования земли к исторической структуре культурного ареала; 7) содержание и значение наивысшего расцвета культуры; 8) распространение культурных феноменов; 9) распределение энергии внутри культурного ареала; 10) культурные стадии и последовательность; 11) соперничество культур внутри территории.

Исследование исторического аспекта географического распределения культур и культурных феноменов, картографирование как инструмент такого исследования стали существенными элементами методологии культурной географии, которая впоследствии перешагнула рамки теории культурного ландшафта и стала пониматься шире — как

исследование территориальных особенностей культурного процесса. Другой классик американской культурной географии — Вилбур Зелински (Wilbur Zelinsky, род. в 1921 г.) — написал в 1967 г. статью, которая может служить замечательной иллюстрацией данного метода. Работа «Классические названия городов в США: историческая география американской идеи» [85] была посвящена известному факту американской топонимики — античным названиям американских городов. Распространенность классических топонимов (в США на момент издания работы было 97 Трой, 54 Рима и столько же Афин), по мнению Зелински, отражала американский кризис идентичности, запечатленный в структуре истории и географии страны. С помощью нескольких десятков карт Зелински продемонстрировал пространственно-территориальное распределение классической топонимики и предложил свою интерпретацию этого процесса, отметив сложную корреляцию последнего с движением фронта.

Э. Кларк

Наиболее известным исследователем в области американской исторической географии в послевоенный период стал ученик Зауэра Эндрю Кларк (Andrew H. Clark, 1911—1975). Кларк сочетал в своих работах достижения коллег: метод кросс-секций, метод пространственного распределения культурных феноменов, причем противоречие, существовавшее между этими двумя методами, решалось с помощью многочисленных карт. Автор одной из рецензий на работы Кларка писал об этом: «Одна карта — статическая, две — динамические» [76].

Первая монография Кларка называлась «Вторжение людей, животных и растений в Новую Зеландию: Южный Остров» (The Invasion of New Zealand by People, Plants, and Animals: The South Island, 1949). Целью книги был очерк революционных изменений, которые произошли на острове менее чем за два столетия. Основным фактором этих изменений было появление на острове, вслед за человеком, чужеродной флоры и фауны, которая потеснила и заменила местные виды. Кларк обращал особое внимание на распределение английских культурных феноменов (формы землепользования, поселений, жилищ, сельского хозяйства), принесенных переселенцами на остров, по своим природным условиям напоминающий Англию.

Другой известной работой Кларка стала книга «Три века и остров: историческая география поселений и сельского хозяйства на острове Принца Эдварда, Канада» (*Three Centuries and the Island: A Historical Geography of Settlement and Agriculture in Prince Edward Island, Canada*, 1959). На примере канадской провинции с населением в 100 000 человек была рассмотрена эволюция поселений, землепользования и сельского хозяйства, происходившая на острове в течение 300 лет.

Д. Мейниг

Наиболее значительным американским историко-географом последней четверти XX в. стал Дональд Мейниг (*Donald Meinig*), претворивший в жизнь проект четырехтомного труда «Формируя Америку» (*Shaping the America*, 1986–2004). А. Бейкер посвятил развернутую рецензию на последний из томов серии определению метода Мейнига [72]. Основой метода, который американский географ развивал с самого начала своей профессиональной карьеры, является региональный подход, заключающийся в определении и исследовании территориальных общностей разного масштаба, возникающих на основе разнообразных связей, как природных, так и культурных. Первые работы Мейнига были посвящены исследованию отдельных культурных регионов современной Северной Америки⁵.

В начале 1970-х гг. Мейниг обращается к исследованию региональной географии прошлого. В 1972 г. он опубликовал в «Анналах ассоциации американских географов» статью «Американские Запады: введение в географическую интерпретацию»⁶. Множественное число в названии статьи отражает смысл подхода Мейнига, который представил географию американского Запада, привычно воспринимавшегося как единое целое, в виде совокупности «динамических регионов», отличающихся специфическими связями природной среды и населения и

---

⁵ Meinig D. W. The Mormon culture region: strategies and patterns in the geography of the American West, 1847-1967 // *Annals of the Association of American Geographers*. 1965. Vol. 55. P. 191-220.

⁶ Meinig D. W. American Wests: preface to a geographical interpretation // *Annals of the Association of American Geographers*. 1972. Vol. 62. P. 159-184.

по разному вовлеченных в общую географию США. Историческое развитие всей области делилось на четыре стадии (nuclear, regional, regional-national, and metropolitan-national), и каждая из них, на уровне отдельных регионов, характеризовалась с точки зрения населения, коммуникаций, политического устройства и культуры. Таким образом, регионы Запада (Нью Мехико, область мормонов, Орегон, Колорадо, Северная и Южная Калифорния) были представлены в виде динамической — как в пространстве, так и во времени — системы, чье обобщенное описание учитывало множество факторов.

Потенциал, заложенный в этом подходе, Мейниг реализовал в своем Shaping-Project. По словам одного из авторов, работу Мейнига «Формируя Америку» (The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History), которой он посвятил почти двадцать лет, приходится описывать в тех же выражениях, что и Большой Каньон [84: p. 622]. Историческое развитие США было представлено с точки зрения макрорегионального анализа, в данном случае названия томов говорят сами за себя: 1. «Атлантическая Америка в 1492—1800 гг.» (1986). 2. «Континентальная Америка в 1800—1867» (1993). 3. «Трансконтинентальная Америка в 1850—1915» (1998). 4. «Глобальная Америка в 1915—2000» (2004).

Труд Мейнига иногда критикуется, так же как работы Зауэра и Кларка, с *человеческих* (human) позиций. И-Фу Туан (Yi-Fu Tuan, род. 1933), основатель направления «гуманистическая география», занимающегося вопросами восприятия человеком окружающей среды, обвинял американскую историческую географию, созданную географами, в том, что она, подобно физической, пренебрегает человеческим масштабом. Гражданская война Севера и Юга, указывал Туан, с точки зрения такой модели исторической географии кажется незначительной подробностью по сравнению с вековыми изменениями структур землепользования или поселений [81]. Точно также Бейкер, сравнивая работы Мейнига с трудами представителей школы «Анналов», замечал, что у последних описание структур «неподвижной истории» или «структур долгого времени» дополняется микроисторическим анализом, а в описанных Мейнигом регионах, «кажется, не живут люди» [84: p. 642].

§2. Британская школа исторической географии в XX в.

Историческая география в начале XX в.

Начало XX в. было временем дискуссий о природе исторической географии в британской науке. Начало эволюции дисциплины в сторону ее современного состояния обычно связывают с именем британского географа Хэлфорда Макиндера (Halford Mackinder, 1861 – 1947). На рубеже веков (до 1905) этот выдающийся ученый преподавал в Оксфорде историческую географию Западной и Центральной Европы. Подход к пониманию этого предмета изложен в его труде «Британия и британские моря» (Britain and the British Seas, 1902), который стал классикой регионального описания. Традиционное для XIX в. восприятие исторической географии как истории политических и административных границ сочетается здесь с инвайронменталистским подходом. Макиндер реконструирует историю английских графств и приходо-указывая, например, что «современные деления юго-восточной Англии исторически могут быть прослежены вплоть до времени вторжения с континента, и примечателен тот факт, что районы, которые были населены племенами до-римской эпохи... совпадают с теми, в которых пятьсот лет спустя осели англы и саксы» [95: р. 194]. «Для физико-географа, как и для исследователя исторической географии оказываются существенными одни и те же географические характеристики Британии... География Британии есть нераздельный продукт ее продолжительной истории, как геологической, так и человеческой», заключал Макиндер [95: р. 229-230].

Географический подход Макиндера, при котором «география человека» и физическая география рассматривались вместе, как единый, синтетический предмет получил название «Новой Географии» (New Geography). Историческая география, по мнению Макиндера, была составляющей этого географического подхода. Несмотря на то что в 1902 г., как и раньше, целью исторической географии продолжала оставаться реконструкция политической истории, перенесение акцента с исторического содержания науки на исторический метод, которое было сделано Макиндером, привлекло к исторической географии внимание нового поколения географов.

Дискуссии

Необходимость обозначить дефиниции в вопросе исторической географии в начале 1930-х гг. несколько раз собирала западноевропейских историков и географов воедино. Так, в 1930 г. в Брюсселе был организован «Первый международный конгресс по исторической географии» (более 200 участников), в 1932 г. в Лондоне состоялась посвященная вопросу «Что такое историческая география?» встреча представителей британских географической и исторической ассоциаций. Дискуссии отразили широкий диапазон мнений. Было отмечено, что под определение исторической географии попадали: 1) история изменений политических границ; 2) история географических открытий; 3) история географических методов и идей; 4) исследование влияния географии на ход истории.

Все же, как показало время, наиболее последовательными и многочисленными были сторонники иной точки зрения. Новая историческая география, которая сформировалась в Британии как направление географии, уже к концу 1920-х гг. представляла собой *практику применения методов современной географической науки к географии (или обычно во множественном числе — географиям) прошлого (geographies of the past)*. Х. Макиндер в 1928 г. определял «истинную» историческую географию как «исследование того, что образованные люди (literary people) называют обычно историческим настоящим (historic present) [90: p. 422].

Геополитика

Труды Макиндера (например, «Географическая ось истории», The Geographical Pivot of History, 1904), так же как Ратцеля в германской традиции, и Видаль де ла Блаша во французской, послужили основой *геополитики как традиции исследований, изучающих зависимость государственной политики, прежде всего — внешней, от географических факторов*. Развитию интереса к геополитике способствовали события Первой мировой войны и ситуация межвоенного периода, отмеченная ростом территориальных притязаний фашистских государств. Необходимо отметить несомненную политическую ангажированность большинства таких исследований. Так, «био-

географическая» концепция Ратцеля, рассматривавшая государство как жизненную форму и вводящая понятие «жизненного пространства» (*Lebensraum*), необходимого для развития этой жизненной формы, была впоследствии использована идеологами нацизма для оправдания фашистской экспансии. В связи с этой недопустимой с точки зрения академической науки ситуацией политический (и историко-политический в том числе) компонент был практически исключен из практики британской исторической географии, которая, по выражению Р. Батлина, сосредоточилась на «невинном» прошлом [3: р. 26].

Г. К. Дарби

История британской школы в XX в. заключалась в определении изменившихся рамок термина «историческая география» и институционализации нового направления. Прежде всего этот процесс принято связывать с именем Г. К. Дарби (*Henry Clifford Darby*, 1909–1992). Дарби был выпускником Кембриджа, читал там лекции по географии после защиты диссертации (1931, это была первая докторская степень (*Ph.D.*) по географии, присвоенная в этом университете), затем возглавлял отделения (*departments*) географии в Ливерпульском (1945–1949) и Лондонском университетах (1949–1966), и, в последнее десятилетие своей академической деятельности (1966–1976), занимал этот же пост в Кембридже.

Период профессионального становления Дарби отмечен стремлением вывести историческую географию из разряда наук «со смутным содержанием». В Кембридже 1920-х гг. этот предмет читал специалист по истории церкви, и, по выражению Дарби, его лекции были «исторической географией историка» (*an historian's historical geography*), то есть географией политической истории Европы. «Мы начали с Древней Греции, затем отправились в Древний Рим и Византию. Затем мы совершили переход к территориальному развитию Франции, феодальной раздробленности Германии, возвышению Пруссии, к Италии, Испании, Португалии, превращению Московского государства в Россию. Затем последовала европейская экспансия за моря» [90: р. 421]. Диссертация 1931 г., которая называлась «Роль Фенланда в английской истории» (*The Role of the Fenland in English history*), отражала пред-

ставление об исторической географии как исследовании географических влияний на историю, но в нее уже была включена глава, посвященная реконструкции географии прошлого этого района Восточной Англии.

Историческая география Англии до 1800 г.

Важнейшим последствием дискуссий начала 1930-х гг. было складывание научного сообщества, характерными участниками которого были географы с историческим образованием, такие как Уильям Гордон Ист (William Gordon East, 1902–1998). Целью сообщества, одним из лидеров которого был Дарби, было становление исторической географии как «self-conscious discipline» (самоопределившейся дисциплины или дисциплины, достигшей осознания собственных границ). «Мы, «новые географы», вдруг осознали, что каждое прошлое однажды было настоящим. Мы были в высшей степени единодушны. Мы были охвачены чем-то вроде догматической/религиозной лихорадки новообращенных...» [90: p. 423].

Научным манифестом этого сообщества явилось издание монографии по исторической географии Англии. «Историческая география Англии до 1800 года» (An Historical Geography of England before A.D. 1800 / Ed. by H. C. Darby. Cambridge, 1936) представляла собой коллективный труд 11 ученых из крупнейших британских университетов. Определение исторической географии, данное Дарби во введении, отражало новую точку зрения на предмет. «Историческая география все больше и больше отождествляет себя с... направлением мысли, чьи данные, по необходимости, исторические, но чей подход к ним — географический» [86: p. vii]. *Предметом исторической географии объявлялась реконструкция географий прошлого (reconstruction of past geographies), а методом исследования был метод «кросс-секций» (cross-sections) — исторических срезов географии Англии в тот или иной исторический период.*

К примеру, в главе 3, составленной С. В. Вулдриджем (S. W. Wooldridge), профессором географии Лондонского университета, был представлен исторический срез географии англосаксонского периода. Вначале был дан очерк физической географии юго-восточной Англии.

Анализировалась преимущественно география почв, предоставлявшая «ключ к интерпретации раннего периода расселения саксов и англов» [86: р. 91]. Затем были рассмотрены возможности источников, причем их специфику определяла задача описания географии прошлого. Так, Вулдридж отмечал, что «жаргон политической истории, оперирующий такими понятиями, как «объединение» или «обособление» королевств, может применяться к истории королевств как институтов, но не к географии королевств как территорий или областей» [86: р. 101].

По этой причине в качестве основных источников были избраны данные археологии и топонимики, не способные, в отличие от источников по политической истории, дать абсолютную хронологию событий эпохи англосаксонского завоевания, но зато отражающие последовательные стадии заселения этой территории. Были выделены три стадии англосаксонского расселения, каждая из которых была проанализирована с точки зрения археологии и топонимики. Выводы по каждой из стадий исследования были представлены в виде карты, отражавшей корреляцию исторических данных с данными физической географии [86: р. 88-132].

Горизонтальный и вертикальный подходы

Метод кросс-секций, позволявший раскрыть взаимосвязи многочисленных элементов пространства в определенный момент прошлого, по мнению некоторых критиков Дарби, был недостаточно историчен, поскольку был статичен, не давал возможности проследить развитие пространственных процессов. В дополнение к этому методу (который иногда именовался горизонтальным подходом (*horizontal approach*) в дальнейших работах по исторической географии представители британской школы вводили вертикальный подход (*vertical approach*), ориентированный на описание эволюции региона (см. табл. 6).

Примером применения такого подхода может служить статья Г. К. Дарби «Меняющийся английский ландшафт» [92]. Основанием этой небольшой работы об «англосаксонских корнях английского ландшафта» были многолетние исследования Дарби по исторической географии средневековой Англии (первая его работа в этой области появляется в 1934 г., а последняя — в 1987 г.). Работа была посвящена

**Введение вертикального подхода.
Версии «исторической географии Англии» (по Г. К. Дарби)**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АНглиИ ДО 1800 г. (1936)	НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АНглиИ (1973)
I. Южная Британия в доисторический период	1. Англо-скандинавские основы
II. «География человека» Римской Британии	2. Англия согласно «Книге Страшного Суда»
III. Англосаксонские поселения	3. Изменения раннего Средневековья
IV. Скандинавские поселения	4. Англия около 1334 г.
V. Экономическая география Англии (1000-1250)	5. Изменения позднего Средневековья
VI. Англия в XIV в.	6. Англия около 1600 г.
VII. Внешняя торговля в Средние века: Западные порты	7. Век мелиорации (1600-1800)
VIII. Внешняя торговля в Средние века: Восточные порты	8. Англия около 1800 г.
IX. Англия во времена Джона Леланда	9. Изменение начала железнодорожной эры (1800-1850)
X. Англия во времена Уильяма Кэмдена	10. Англия около 1850 г.
XI. Англия в XVII в.	11. Меняющийся облик Англии (1850-1900)
XII. Осушение Фенланда (1600-1800)	12. Англия около 1900 г.
XIII. Англия в XVIII в.	
XIV. Рост Лондона (1660-1800)	

исследованию антропогенных воздействий на английский ландшафт. Такие виды воздействий, как: вырубка лесов, осушение болот, введение в сельскохозяйственный оборот неосвоенных территорий и пустошей, основание городов и индустриализация, устройство парков (Дарби замечал, что на формирование ландшафта оказывают влияние эстетическое чувство и представления о прекрасном (*sense of pleasure*)), были рассмотрены в своем историческом развитии, со времен англосаксов до наших дней.

Отношения между историей и географией

Дарби также ввел в англоязычный оборот ставшую чрезвычайно популярной классификацию вариантов историко-географического знания (см. табл. 7). «Пограничная земля» между историей и географией была исследована им с точки зрения отношения исторического метода к историческому нарративу или географическому описанию. Это эссе представляет собой интеллектуальное завещание ученого, который всегда был уверен в том, что «установка охраняемых границ (*tariff frontiers*) вокруг академических дисциплин с целью препятствовать проникновению идей необязательна и непрактична» и вклад которого в развитие как исторической, так и географической науки, пожалуй, равновелик [91].

Несмотря на значительное расширение тематики исторической географии, внедрение множества новых методов и теорий основным методом историко-географического обзора в британской традиции продолжает оставаться метод кросс-секций. Здесь в первую очередь должны быть отмечены такие работы, как «Историческая география Западной Европы» К. Смита [98], две части «Исторической географии Европы» Н. Паундса [96, 97], очерки исторической географии Англии, Уэльса и Европы Р. Батлина и Р. Доджсона [87].

§3. Французская школа исторической географии в XX в.

Начало XX в.

Прогресс историко-географических исследований во Франции этого периода определялся деятельностью французской географической школы. Складывание этого научного сообщества явилось следст-

Варианты историко-географического знания (по Г. К. Дарби)

Название	Сущность подхода	Примеры подхода
<i>История на фоне географии</i> (the Geography behind History)	Исследование влияний физической географии на историю	«Картина Франции» Ж. Мишле, «Историческая география Святой Земли» Дж. А. Смита, «Американская история и ее географические условия» Э. Сэмпл
Географии прошлого (Past Geographies)	Изучение географии прошлого	«Зеркало для американцев» Р. Брауна, «Историческая география Англии до 1800 г.» под ред. Г. К. Дарби
<i>География на фоне истории</i> (the History behind Geography)	Исследования изменений ландшафта, как с исторической, так и географической точек зрения	«Вторжение людей, животных и растений в Новую Зеландию» А. Кларка, «Меняющийся английский ландшафт» Г. К. Дарби
Исторический элемент в географии (Historical Element in Geography)	Исторический подход в географическом описании	Региональные монографии школы де ла Блаша

вием развития страноведения и связано в первую очередь с именем Поля Видаля де ла Блаша (Paul Vidal de la Blache, 1845–1918) и изданием с 1891 г. журнала «Анналы Географии» (*Annales de Géographie*). Набор тем, к которым обратилась школа «географии человека» (или «человеческой географии», *la géographie humaine*), отражал насущные проблемы французской географии. В начале XX в. Франция оставалась по-преимуществу аграрной страной, на полях которой, в виде разнообразия форм аграрной организации, еще сохранялись следы прошлого. Изучение сельских ландшафтов (*payages ruraux*) ставило перед исследователем проблему взаимоотношений земли и человека, а при таком подходе, даже изучая современные ландшафты, нельзя было избежать обращения к их истории. Под влиянием «географии человека» историческая география классического типа, представленная, например, в работах Лоньона, обратилась к изучению физической и со-

циальной географии прошлого, и наиболее значительные работы этого направления были выполнены на материале отдельных областей Франции.

П. Видаль де ла Блаш

Историк по образованию, преподаватель Высшей нормальной школы, с 1898 г. профессор Сорбонны является основателем школы «географии человека», основные постулаты которой были, например, изложены в работе «Значение и предмет географии человека». «География человека», по мнению де ла Блаша, — это наука о взаимоотношениях человеческих обществ с физическим миром. «Мы представляем себе землю, как сцену, на которой происходит деятельность человека, — пишет он, — не думая, что эта сцена сама по себе тоже жива» [117: р. 5]. Задача «географии человека» — исследование этих взаимоотношений, причем — в этом важнейшее отличие школы де ла Блаша от инвайронментализма — человек также является фактором, изменяющим географическую среду. Идея *среды (la milieu) предполагает, что в каждой части земли факты географии человека связаны с уникальной комбинацией физических условий. Среда предоставляет человеку возможности для развития (лат. possibilitas), но каждая социальная группа взаимодействует с ней в целях удовлетворения своих конкретных нужд, делает свой выбор, и конечный результат, таким образом, не предрешен. Поэтому школу де ла Блаша называют поссибилизмом.*

«Картина географии Франции»

Концепция поссибилизма была порождена стремлением де ла Блаша выработать научную теорию географии человека. География должна была заниматься установлением и объяснением разных типов связей человека со средой. Это стремление воплотилось в работах, посвященных описанию пространственных структур конкретных областей, краев (le pays). Применительно к Франции такой подход был воплощен де ла Блашем в работе «Картина географии Франции» (Tableau de la géographie de la France, 1903). Книга стала первым томом грандиозной «Истории Франции», подготовленной историком Эрнестом

Лависсом (Ernest Lavisse, 1842–1922). Де ла Блаш принял участие в проекте, составив географический очерк Франции, который должен был предшествовать первому тому «Большого Лависса». Так появилась «Картина географии Франции» — книга, название которой очевидно отсылает к упомянутой работе Мишле.

Пространство Франции как страны, обладающей несомненной географической индивидуальностью (*une individualité géographique*), рассматривалось в этой книге с точки зрения разнообразия составляющих ее областей. Анализируя региональную структуру страны, де ла Блаш стремился определить наиболее существенные деления Франции, проследить их происхождение, роль в общей французской географии, показать возможности дальнейшей трансформации. При такой постановке вопроса обращение к прошлому страны было неизбежно.

Во введении к «Картине географии» описанные выше принципы «географии человека» были рассмотрены на примере Франции. Это введение, напоминающее о риторических корнях французской историко-географической традиции, само по себе является прекрасной литературой и часто цитируется патриотически настроенными авторами. Де ла Блаш пишет о неразрывной связи своего народа с почвой Франции (*sol de la France*), затем переходит к поэтическому примеру французского ландшафта — описывая замок Лош на Луаре, воздвигнутый на римском фундаменте, на скале, изъеденной пещерами, которые некогда были обиталищем первобытных людей. Эта иллюстрация служит доказательством главного тезиса — человеческая культура не может восприниматься отдельно от своего физического основания, ведь человек — это «верный ученик почвы», и поэтому ее изучение дает возможность разобраться в характере обществ, которые на ней обитают [118: р. 4]. Но «почва» не является единственным фактором в создании географической индивидуальности Франции (*personnalité géographique de la France*). Де ла Блаш напоминает о том, что с точки зрения геологии, климата, флоры и фауны Франция не представляет собой единства (индивидуальности, *individualité* — здесь синоним слова *personnalité*, но не стоит забывать, что оно восходит к слову *individuus* «неделимый»). Единство/индивидуальность не выводятся из одной природы. «Страна представляет собой резервуар, где как бы в зародыше дремлют силы природы, и их использование зависит от человека», кото-

рый устанавливает связи между разрозненными чертами местности, превращая их в систематическое содействие сил [118: р. 8]. «Картина географии» призвана изобразить фрагмент земной поверхности, который, не являясь единством с точки зрения физической географии, достиг состояния государства [118: р. 8]. Ключевая характеристика этого земного фрагмента — разнообразие (*le mot qui caractérise le mieux la France est variété*) [118: р. 40].

Местная топонимика и природные области

Один из первых учеников и соратников де ла Блаша Люсьен Галлуа (Lucien Gallois, 1857—1941) опубликовал в 1908 г. труд, в котором методы «географии человека» применялись по отношению к классической для французской исторической географии теме — топонимике. По замечанию Троше, вклад Галлуа состоял прежде всего в том, что он соединил филологическое исследование топонимики с географическими реалиями, которые она отражает [114: р. 12]. В книге «Природные области и областные имена: исследование географии парижского региона» (*Regions naturelles et noms de pays. Étude de la géographie de la région parisienne*, 1908) рассматривалось отношение географических названий к физико-географическому районированию старейшего региона Франции. Галлуа разделял географические названия Франции на три группы. К первой относились наименования политических и административных единиц, ко второй — названия населенных пунктов, распространившиеся на их окрестности. К третьей группе относились местные неофициальные наименования, происхождение (или историческое использование) которых, в отличие от двух первых, не было связано с обозначениями политического деления областей, но отражало природное единство региона.

Эти «рациональные деления почвы, которые народный инстинкт, обогнав науку, отметил уже давно», Галлуа назвал «областными именами» (*noms de pays*). Так, например, область распространения наименования Бос (Beauce), включавшая в себя территорию долины Луары к юго-востоку от Парижа, совпадала с плодородным известковым плато, обеспечивавшим земледельческий характер сельского хозяйства. С политической и административной точки зрения этот район

никогда не являлся единым целым, отдельные его части тяготели к Шартру и Орлеану, расположенным на окраинах плато, но единство природной (физико-географической) области можно было проследить на уровне древней местной топонимики, проступавшей сквозь позднейшие границы провинций и департаментов⁷.

Региональные монографии видалианской школы

В период между двумя мировыми войнами ученики де ла Блаша создали целый ряд так называемых «региональных монографий», посвященных отношению среды и культуры в отдельных местностях Франции. Поскольку эти работы обращались к интерпретации современных сельских ландшафтов Франции как к наследию доиндустриального, традиционного общества, историческая проблематика была составной частью этих исследований, но не самоцелью. Как отмечал Клаут, географы не пытались описать пространство прошлого или рассмотреть логику его исторического развития [111]. Среди таких монографий могут быть названы работы Филиппа Арбо (Philippe Arbos, 1882–1956) и Жюля Блаша (Jules Blache, 1893–1970), посвященные сельской экономике альпийских долин, книга Пьера Дефонтена (Pierre Deffontaines, 1894–1978), посвященная Гаронне и др.

Историки и география

В этот же период стабильный интерес к новой географической методологии проявляют молодые историки, впоследствии ставшие известными как основатели журнала «Анналы». Люсьен Февр (Lucien Febvre, 1878–1956), учителем которого в Высшей нормальной школе был Люсьен Галлуа, защитил в 1911 г. диссертацию «Филипп II и Франш-Конте», написанную в духе региональных монографий видалианской школы. Через два года Марк Блок (Marc Bloch, 1886–1944), учившийся у тех же учителей, также издал свою первую монографию, которая называлась «Иль-де-Франс: Страна вокруг Парижа». Новое поколение историков отличалось стремлением к расширению истори-

---

⁷ Gallois L. *Regions naturelles et noms de pays. Étude de la géographie de la région parisienne.* Paris, 1908.

ческой методологии в сторону «тотальной истории» (*une histoire totale*), что означало вовлечение в историческое исследование методов и точек зрения других социальных наук, и первой в этом списке оказалась география человека.

Февр, преподававший после окончания войны в Страсбургском университете, описал возможности применения видалианской географии к историческому исследованию в книге «Земля и эволюция человека» (*La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire*, 1922). Февр писал: «Несомненно, представление об истории, как и о географии, сегодня значительно изменилось. Теперь это не просто политическая, юридическая или конституциональная база народов прошлого, или их военные или дипломатические перипетии, которые мы стараемся воссоздать. Это вся их жизнь, вся их материальная и духовная цивилизация, вся эволюция их наук, искусств, религий, техники и обмена, их классов и социальных групп. Одна история агрикультуры и сельских классов, всех их стараний по усовершенствованию почвы, их бесконечных трудов по распашке, вырубке лесов, осушению и расселению, — решение каких из поднимаемых ею проблем не связано, хотя бы отчасти, с изучением географии?» [112: р. 90].

Аграрные пейзажи

Рассуждая с данных позиций, коллега Февра, Марк Блок издал в 1931 г. книгу «Характерные черты французской аграрной истории» (*Les caractères originaux de l'Histoire rurale française*) [99]. По словам географа видалианской школы Альбера Деманжона, Блок обратился в этой книге к вопросу, «которому посвящено большинство наших работ по географии человека» [109]. Блок проследил этапы земледельческого освоения Франции, историю сеньории и крестьянства, но особый интерес вызвала вторая глава его работы, посвященная географическому распределению разных типов «аграрных цивилизаций» (критерием различения которых были особенности севооборота и землепользования) на территории Франции. Блок показал, что территория Франции является местом столкновения и сосуществования двух основных типов аграрной цивилизации: средиземноморского, основанного на двуполье, и северного, основанного на трехполье [99: с. 77].

Отличие аграрных распорядков юга и севера осознавалось и до Блока, но последний применил к интерпретации французского разнообразия цивилизационный подход, объяснявший специфический уклад и образ мыслей сельских обществ в очень широкой перспективе, соединявшей времена безымянного доисторического населения, создавшего французские поля, и современную эпоху. Такое восприятие аграрного пейзажа (фр. *pausage* в данном случае является синонимом нем. *Landschaft*) было, по выражению Февра, сферой исследований, где легче всего могут договориться «историки, заботящиеся о фактах, и географы, интересующиеся проблемами происхождения» [106: с. 27]. В начале 1930-х гг. другой выпускник Высшей нормальной школы, вдохновленный примером Блока, географ Роже Дион (*Roger Dion*, 1896–1981) открывает цикл работ, посвященных аграрным пейзажам Франции.

В диссертации Диона, региональной монографии «Долина Луары» (*Le Val de Loire*, 1934), древнейшая область Франции рассматривалась как единый ансамбль, образованный ее физической географией и населением территории. Региональное описание включалось в более широкие рамки: как показывал Дион, именно через долину Луары, «регион-перекресток» (*région-carrefour*), пролегал подвижная граница северной и южной аграрных цивилизаций. Процесс перехода одной цивилизации в другую рассматривался Дионом как в географическом, так и в историческом аспектах. Первоначальным типом аграрной цивилизации в долине Луары был южный, характеризовавшийся двуполем, экстенсивными методами экономики, нерегулярной формой полей, открытым двором сельских хозяйств, разрозненными поселениями, разрушением лесного покрова. С XVI в. на смену этой цивилизации приходит северный тип, отличающийся трехполем, интенсивными методами хозяйствования, системой длинных открытых полей, закрытым двором сельских хозяйств, групповыми поселениями, доминирующей ролью сельской общины и сохранением лесного покрова.

В другой работе Диона «Очерк формирования французского сельского пейзажа» (*l'Essai sur la formation du paysage rural français*, 1934) процесс взаимодействия двух древних сельских цивилизаций был рассмотрен на примере всей территории Франции.

Историческая география во второй половине XX в.

С конца 1940-х гг. методологическое единство, позволявшее историкам и географам работать вместе над проблемами аграрных пейзажей, испытывает кризис. Как показал Клаут, на протяжении двадцати лет географы, исследовавшие аграрный пейзаж, для понимания его современного состояния обращались к его постоянным элементам. В то же время историческая перспектива не была лишь способом объяснения настоящего, что привлекало к пейзажам Франции внимание историков. Но географическая среда Франции в середине века начинает стремительно меняться, и исследования аграрных пейзажей теряют для географов свою исключительную актуальность. Кроме того, в этот же период на исторической географии начинают сказываться последствия разделения исторического и географического образования: документы, необходимые для реконструкции ранних стадий развития французской аграрной истории, с профессиональной точки зрения были доступны лишь историкам. После 1950 г. группы, ориентированные на изучение сельских пейзажей, прекратили рекрутировать новых географов [110].

Следствием этих процессов были попытки построения новых моделей историко-географических исследований. Авторы этих работ, «верные видалианскому духу», стремились не утратить возможностей, которые давало одинаковое владение методологиями двух наук. Р. Дион, в 1948 г. занявший место профессора исторической географии в Коллеж де Франс (остававшееся вакантным с 1911 г., времени смерти Лоньона), подчеркивал в своей вступительной лекции тождественность французской «географии человека» и исторической географии (*la géographie humaine de la France est nécessairement une géographie historique*) [108: p. 214].

О том, насколько историческая география Диона отличалась от классического понимания исторической географии как географии административных и политических границ прошлого, свидетельствует его работа 1947 г. «Границы Франции» (*Les frontières de la France, 1947*), написанная в жанре «ретроспективной географии» (*géographie retrospective*), посвященная противоречивой эволюции важнейшего инструмента политики. На примере «естественных границ» Франции был

История вина и виноградарства во Франции (по Р. Диону)

Период	Факторы распространения виноградарства	Области распространения виноградарства	
до I в.	Средиземноморская торговля	Нарбоннская Галлия	Вино как часть культуры престижа
I - III вв.	Распространение вместе с римской культурой по всей Галлии	Бордо (I в.), Бургундия, Эльзас, Сена и Луара (III в.)	
IV-XI вв.	Роль христианской литургии в становлении церковного виноградарства	Развитие местного виноградарства и винного экспорта вдоль речных путей	
XII в.	Рост городов в Северной Европе, вызвавший возникновение экспортного виноделия, привязанного к речным путям. (1) Возвышение районов, наиболее близких к местам сбыта, (2) постепенное развитие экспорта из южных районов, более благоприятных для производства вина	(1) Лаон, Париж, Суассон, Бове (2) Эльзас, Орлеан, Анжу, Ла Рошель	
XIII в.	Виноторговля как фактор политики	Бордо, Гасконь, Байон	
2 пол. XIV-XVIII вв.	Рост населения городов, развитие морских коммуникаций, начало производства дешевых вин	Упадок старых винодельческих районов. Появление Божоле, шампанского вина	Демократизация виноторговли

продемонстрирован произвольный характер этой концепции. В разное время Рейн служил как объединяющим, так и разделяющим элементом ландшафта; до того момента, как римляне завоевали долину По, Галлия располагалась по обе стороны Альп и т. д.

Другой известной работой, в которой проблемы политической и экономической географии прошлого рассматривались в комплексе, была «История вина и виноградарства во Франции» (Histoire de la

Vigne et du Vin en France, des Origines au XIXe Siècle, 1959). Книга, посвященная объяснению географического распространения винограда и возникновению виноводческих регионов Франции (см. табл. 8), завершалась выводом Диона о том, что Франция — страна, в которой история вина объясняет историю народа [108].

Геоистория Фернана Броделя

То же самое стремление — использовать достижения видалианской школы в создании ретроспективной «географии человека» — легло в основание геоисторических трудов Фернана Броделя (Fernand Braudel, 1902—1985). Диссертация Броделя, работа над которой продолжалась более десяти лет, и текст которой был написан в лагере для военнопленных, была посвящена Средиземному морю. Труд «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II, 1949), первоначально задумывавшийся как исследование средиземноморской политики испанского короля, под влиянием Февра, превратился в очерк отношений истории и пространства в средиземноморском регионе.

Бродель, в отличие от Диона, не называл свою работу сочинением по исторической географии, хотя подход его столь же отличался от подходов исторической географии XIX в., как и работы Диона. И наоборот, современники Броделя называли его мэтром исторической географии уже в новом смысле.

В своем «геоисторическом» сочинении Бродель делил материал истории Средиземноморья на три части. Первая часть была посвящена «неподвижной истории», истории взаимодействия человека с окружающей средой, сводящейся к непрерывным повторам и циклам. Вторая часть — «история, протекающая в медленном ритме», — социальной истории Средиземноморья, истории групп и коллективных образований. Третья часть — традиционной событийной истории, истории кратковременных колебаний [100].

Таким образом, вводная часть — исследование природной среды, в которой происходило течение исторических процессов, представляла собой региональное описание Средиземноморья вполне в видалианском смысле. Броделя интересовали прежде всего связи, соединяющие человека с местом, а место — с человеком. Ему не были интерес-

ны сами по себе, например, горы: «Что такое в точности эти горы? Попытка дать им какое-то простое определение — например, совокупность средиземноморских территорий на высоте более пятисот метров — не прибавляет никаких новых подробностей о них. Речь должна идти об их *социальных очертаниях* (курсив наш. — Ф. К.), нечетких и трудновоспроизводимых на карте» [100: с. 38].

С 1950-х гг. масштаб работ Броделя, который оставался верен гео-историческому подходу на протяжении всей своей карьеры (работа 1986 г. была посвящена описанию связей истории и географии в масштабах всей Франции (*L'Identité de la France*, 1986)) [100], все же не был ограничен историко-географической проблематикой. Историки второго и третьего поколения журнала «Анналы», оставив исследования сельских пейзажей, обратились прежде всего к экономической истории и исторической антропологии. В географии это направление также постепенно оказалось в тени новых, более актуальных проблем. Как пишет Троше, в послевоенный период исследования аграрных структур развивались прежде всего лабораториями, основанными еще до войны [114: р. 17-18].

Одним из таких центров стал университет в Нанси, где в 1957 г. под руководством Ксавье де Пляноля (Xavier de Planhol, род. в 1926 г.) был организован коллоквиум по аграрной истории и географии, позднее преобразованный в Постоянную европейскую конференцию по истории сельского пейзажа (*Conférence européenne permanente pour l'histoire du paysage rural*). В рамках этого форума развиваются как традиционные исследования аграрных структур, так и работы новых направлений, в частности экологического. К числу наиболее важных обзорных работ по исторической географии Франции относится «Историческая география Франции» Ксавье де Пляноля (*Géographie historique de la France*, 1988), в которой рассматриваются основные формы организации пространства Франции (политическая, экономическая, культурная география) с начала ее истории до нашего времени [113].

§4. Историческая география в советский период

В первой половине XX в., в период, когда в западных академических сообществах формировались основы современной исторической

географии и разрабатывалась методология бордерной дисциплины между историей и географией, предмет исторической географии, на первых порах вместе с историей, которую заменило «обществоведение», был удален из советских высших учебных заведений. Элементы историко-географического анализа в этот период могли сохраняться только в работах географов. «География человека» — традиция географических исследований, восходящая к Карлу Риттеру и получившая в англоязычной географии название «human geography» (во французском варианте «géographie humaine»), в русле которой и развивалась историческая география XX в., в советском варианте под влиянием марксистско-ленинской идеологии была редуцирована до социально-экономической географии.

Роль экономической географии

Прежде всего речь должна идти о работах советской районной школы, которая была фактически единственным действующим научным направлением в советской экономической географии. Руководителем школы был Н. Н. Баранский (1881—1963), возглавивший в 1929 г. кафедру экономической географии СССР на географическом факультете МГУ.

Экономическая география СССР, восходящая к практике дореволюционной статистики (инструментарий и методы которой развивало старшее поколение советских экономгеографов-марксистов), рассматривалась прежде всего как инструмент перспективного планирования размещения хозяйства, была частью проекта советской власти по модернизации экономики. Объектом экономической географии были производственно-территориальные комплексы, сформировавшиеся в процессе территориального (географического) разделения труда.

Выявлением таких экономических районов, определением их границ, специализации и связей занималась районная школа. Историческая география в этом варианте была прежде всего исследованием исторической эволюции этих производственно-территориальных комплексов.

Проблемы колонизации Сибири

Об актуальности именно такого воззрения на предмет исторической географии в середине XX в. свидетельствует популярность сибирско-уральской темы в исторической урбанистике. Наиболее ранними работами в историографии советского периода являются очерки ученика М. К. Любавского С. В. Бахрушина (1882–1950), которые в трактовке характера сибирской колонизации обнаруживают прямую связь с воззрениями областников [119]. Монографии Р. М. Кабо (1886–1957) и Л. Е. Иофы (1908–1974) о городах Западной Сибири и Урала носили экономико-географический характер [123, 124]. Так, задачей работы Иофы было «показать, как сформировался современный рисунок городской сети Урала, как и почему возникали и развивались, то достигая большого экономического расцвета, то, наоборот, утрачивая его, наиболее крупные из уральских городов, как и почему менялась их экономическая структура» [123: с. 4-5]. Поставленные вопросы могли быть решены, по мысли автора, только в рамках развития народного хозяйства всей страны в целом.

При этом пространственное размещение городов и их экономическая история описывались с позиций их географического положения и географической среды, отношения к экономическим центрам, транспортным путям, миграционным процессам и т. п. «Единство социально-экономической основы уральских городов» с точки зрения пространственного анализа данной системы оказывалось существеннее административно-территориальных делений колониальной и советской эпохи, поэтому экономическая история города Тюмени, «в тех случаях, когда это важно для понимания уральских отношений», также рассматривалась на страницах книги о городах Урала.

В. К. Яцунский

Исчезнувший на три с лишним десятилетия курс исторической географии в высшей школе был восстановлен в Историко-архивном институте (Москва) в 1950-е гг. благодаря энергии В. К. Яцунского (1893–1966). Историк-экономист Яцунский впервые обратился к исторической географии в 1920-х гг. Его работы представляли собой попытку синтеза экономгеографического и исторического подходов.

Атлас «Наглядные пособия по истории народного хозяйства России в XVIII—XX веках», состоявший из 70 карт и примечаний к ним, включал сведения о территории и населении России за XVIII — начало XX в., эволюции сельского хозяйства, крестьянства и аграрных отношений, содержал обзор развития промышленности и ее главнейших отраслей, торговли и транспорта, денежного обращения и кредита, государственных финансов [125: с. 129].

С 1943 г. Яцунский начал разрабатывать курс исторической географии. Его фундаментальный труд «Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках» был защищен в качестве докторской диссертации в 1950 г. и издан отдельной книгой в 1955 г. В книге, которая до сих пор не имеет аналогов в отечественной литературе, помимо ранней истории направления, были рассмотрены представления об исторической географии в период первой четверти XX в. [6].

Яцунский впервые в отечественной традиции поставил вопрос о предмете исторической географии в современном смысле. По мысли Яцунского, предмет исторической географии не отличается от предмета собственно географии и включает все элементы, изучаемые этой наукой.

«Марксистская историческая география на основе периодизации, принятой в исторической науке, должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие данной периодизации отрезки времени. Основными элементами этих характеристик должны быть: 1) физико-географический ландшафт данной эпохи; 2) население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории; 3) география производства и хозяйственных связей; 4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий» [6: с. 9-10].

Таким образом, по мысли Яцунского, происходит сближение истории с географией (при этом он четко отделяет *историческую географию* от *истории географии*, которая изучает историю географических открытий, географической мысли и представлений людей прошлого).

Историческая география во второй половине XX в.

Ситуация, которая сложилась в историко-географической отрасли знания после ухода из жизни поколения Яцунского и близких ему по духу экономгеографов районной школы, кажется, довольно хорошо характеризуется словами Р. Батлина, который писал в своей книге: «Во многих странах Западной и Северной Европы принятие... *прагматичного* (курсив наш. — Ф. К.) подхода (functionalist approach) к географии человека, кажется, создало пробел (gap) между историей и географией, и историческая география была оставлена историкам. Этот опыт, в несколько ином политическом контексте и в более ранний период, разделили прежние социалистические государства, в том числе Советский Союз» [3: р. 45].

Академическая среда не пробовала пересекать условных границ рубрикатора наук, в соответствии с которым историческая география рассматривалась как вспомогательная историческая дисциплина, и подобно этому отдельные исследователи, посвящавшие себя историко-географической проблеме, следовали произвольным делениям тотального советского АТД. Основной проблемой развития исторической географии в промежутке между работой О. М. Медушевской [127] и работой В. П. Максаковского [126] в отечественной науке стали границы: утрата пространственного и регионального метода, характерного для экономической географии, замыкала историков в рамках областного и республиканского краеведения, приводила к распаду исторической географии на отдельные подразделы (экономической истории, экономической демографии, этнографии и т. п.). В этой ситуации были возможны качественные исследования по отдельным проблемам, но отсутствие дискуссии по проблемам общей теории исторической географии не давало возможности обобщающих работ. Отдельные исключения, такие как работы В. С. Жекулина (1929—1989), не меняли ситуации [1]. Поэтому объясним успех инвайронменталистских работ Л. Н. Гумилева (1912—1992), на полвека отставших от трудов его западных коллег [121].

Авраам Ортелиус. «Parergon Theatri Orbis Terrarum» (титульный лист)

Карта древней Галлии из атласа Ортелиуса

TABLEAU DE LA FRANCE

DEPOT LEGAL
Seine et Mar.
N° 1060
1874

GÉOGRAPHIE

PHYSIQUE, POLITIQUE ET MORALE

PAR

JULES MICHELET

PARIS

LIBRAIRIE INTERNATIONALE

A. LAGROIX ET Ce, ÉDITEURS

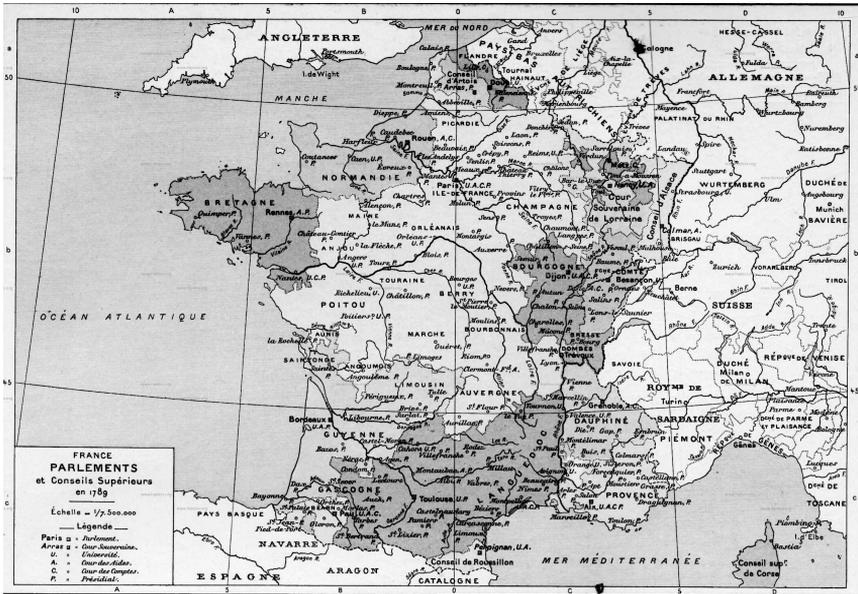
13, FAUBOURG MONTMARTRE

1875

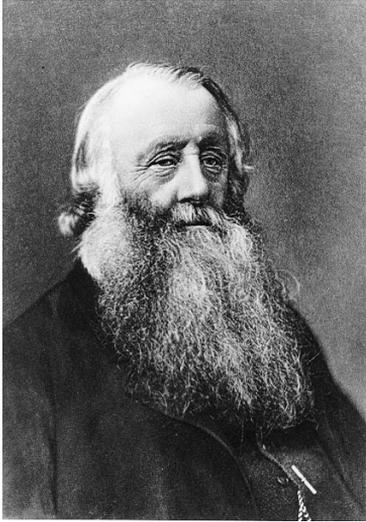
Tous droits de traduction et de reproduction réservés.

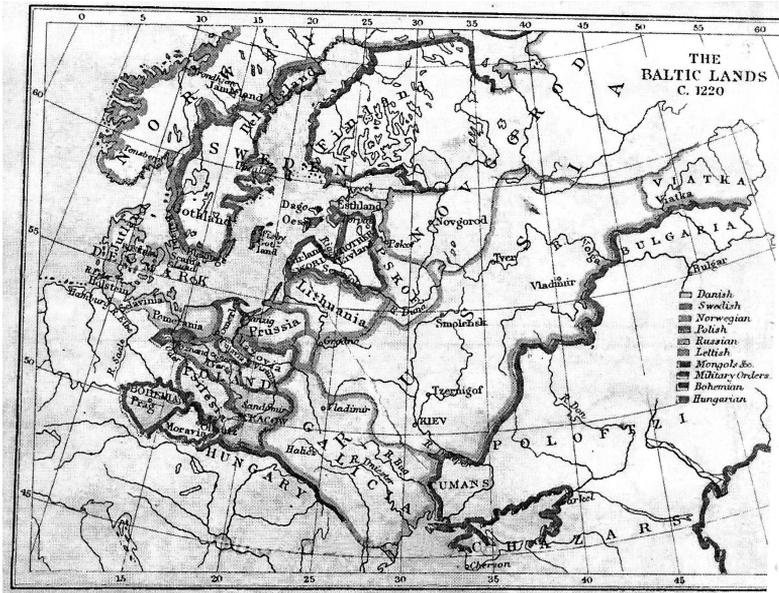
Жюль Мишле. «Картина Франции» (титульный лист издания 1875 г.)

Административное деление Франции в 1789 г. (Видаль де ла Блаш)

Э. А. Фриман. Титульный лист русского перевода книги Фримана (1892)

Границы государств северо-восточной Европы в 20-х гг. XIII в. (Фриман)

проф. М. К. Любавский.

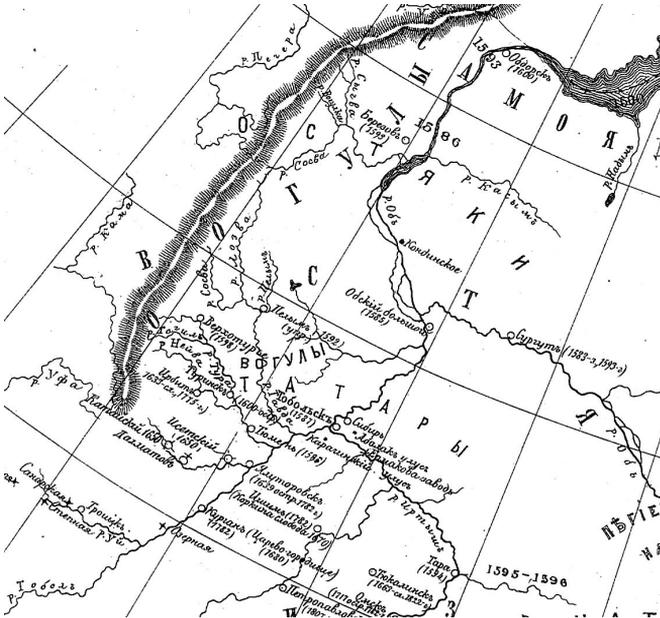
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ РОССИИ
ВЪ СВЯЗИ СЪ КОЛОНИЗАЦІЕЙ.

КУРСЪ, ЧИТАННЫЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
въ 1908-9 акад. г.

Издание для ознакомления студентовъ филологовъ изъ записокъ
студ. Н. Ф. Перадера и З. П. Мацио
подъ наблюдениемъ члена вѣд. кон. С. Митова.

МОСКВА,
Типо. Лагерафа И. И. ЛЮБЯКОВА, Полянка, домъ № 4.
1909 г.

М. К. Любавский. «Историческая география России
в связи с колонизацией» (титульный лист)

Карта Сибири
в 1581-1865 гг.
из атласа
Замысловского.
Фрагмент

Н. М. Ядринцевъ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНИИ.

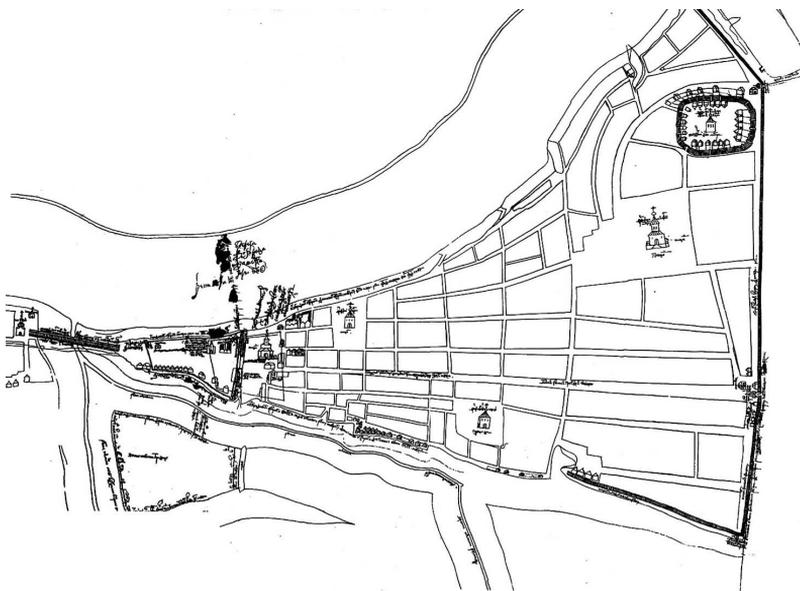
ИЗДАНИЕ 2-ое, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ИЛЛЮСТРИРОВАНО 16 СИБИРСКИМИ ВЕЩАМИ ВЪ ТИПАЖЕ.

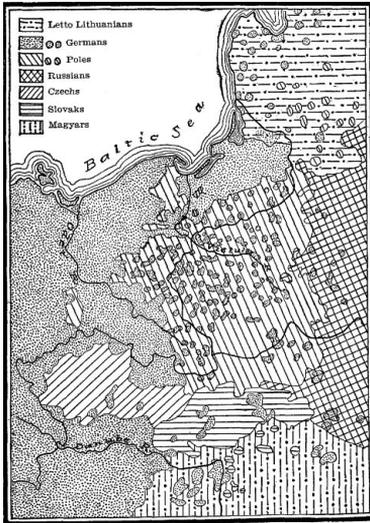
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издатель И. М. Сивериковъ.
1892.

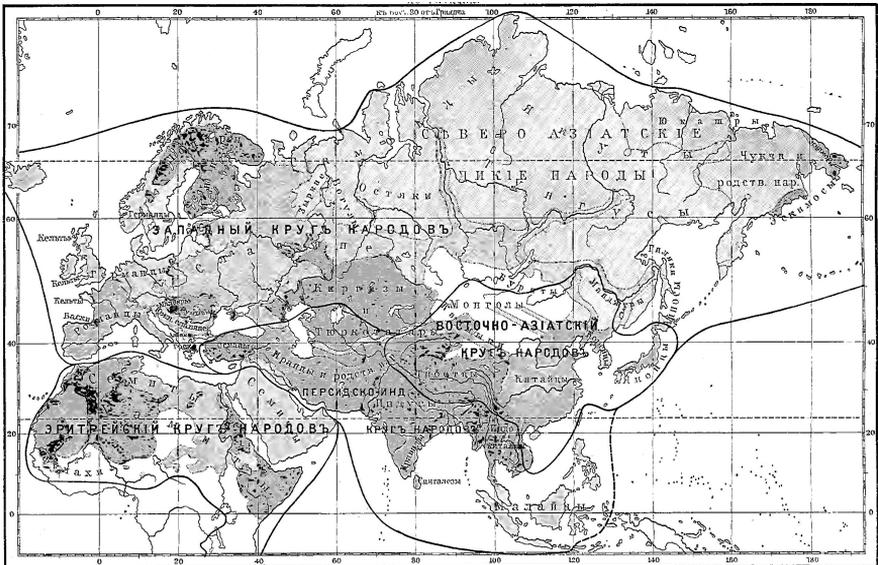
Н. М. Ядринцев. «Сибирь как колония» (титульный лист издания 1892 г.)

План Тюмени в XVII в. (Головачев)

Э. Ч. Сэмпл. Граница расселения германских и славянских племен (из книги Сэмпл «Влияния географической среды на основе антропогеографии Ратцеля»)

Круги народов (Ратцель)

THE FRONTIER
IN AMERICAN HISTORY

BY
FREDERICK JACKSON TURNER

NEW YORK
HENRY HOLT AND COMPANY

Ф. Дж. Тернер. Титульный лист собрания работ Тернера о фронтире
(издание 1920 г.)

Рост территории США в XIX в. (Х. Тэрбелл)

E. C.
1969

AN
HISTORICAL GEOGRAPHY
OF ENGLAND
BEFORE A.D. 1800

Fourteen Studies

edited by

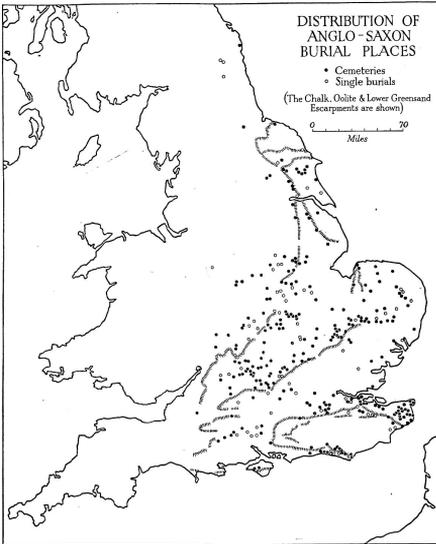
H. C. DARBY, M.A., Ph.D.
*Externus Fellow of King's College, Cambridge,
and Lecturer in Geography in the
University*

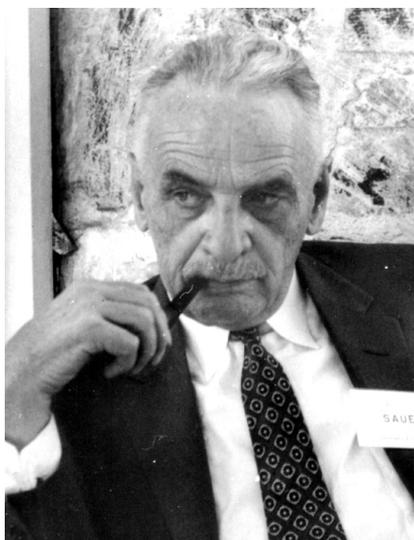
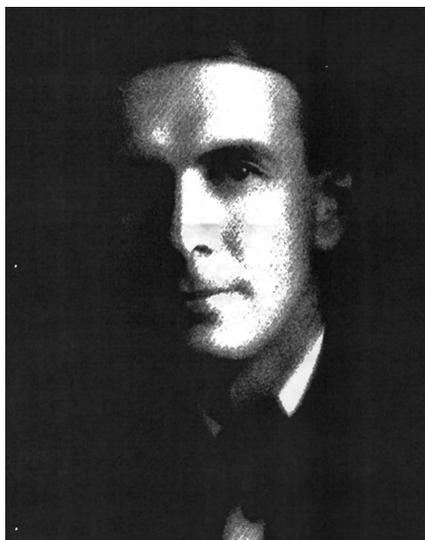
CAMBRIDGE
AT THE UNIVERSITY PRESS
1936

Генри Клиффорд Дарби. «Историческая география Англии до 1800 г.» (титульный лист)

Распространение англосаксонских погребений и топонимики
(Вулдридж, Дарби)

Р. Браун, К. Зауэр

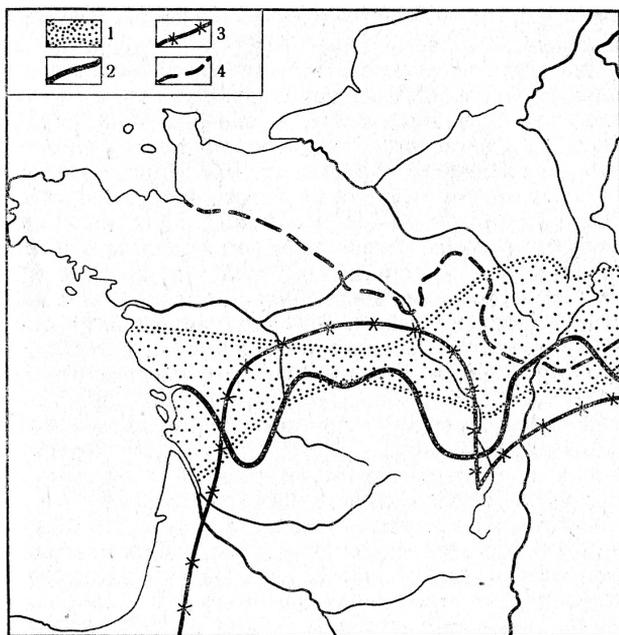

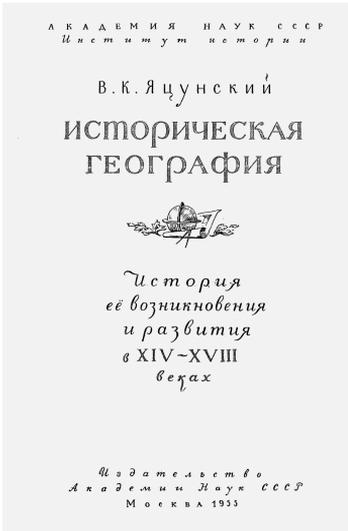
*Распространение «классической» топонимики в США
в момент прекращения движения фронта (В. Зелински)*

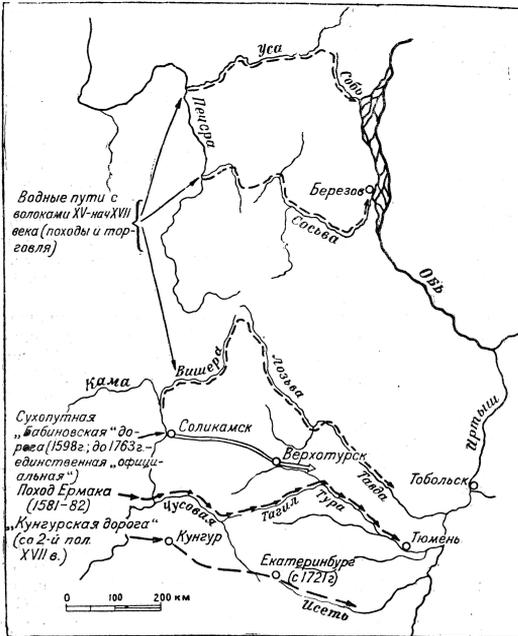
Люсьен Февр. Титульный лист книги «Земля и эволюция человека»

Различия в языке, праве, орудиях производства на территории средневековой Франции (Самаркин). 1 – разграничительная полоса между *langue d’os* и *langue d’oil*; 2 – граница между областями письменного и устного (кутюрного) права; 3 – южная граница распространения тяжелого плуга; 4 – южная граница топонимов франкского происхождения (типа «имя + court»)

В. К. Яцу́нский. Титульный лист монографии В. К. Яцу́нского

Последовательное
смещение к югу «входов»
в Сибирь
в XV–XVII вв.
(Покшишевский)

Глава 4. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

§1. Границы национальных школ

Необходимость в систематической форме представить современное состояние такого многообразного явления, как историческая география в очередной раз возвращает нас к проблеме границ. Характерной чертой современного периода, как кажется, является изолированность, в первую очередь, методологическая, отдельных историко-географических дискурсов, национальных школ, в конечном счете, восходящих к тем пространственным интерпретациям национальных историй, о которых шла речь ранее. На этом уровне основным препятствием представляется не столько языковой, сколько институциональный барьер. В этой ситуации, кажется, только англо-американская наука оказалась способна создать институты, в которых диалог по поводу исторической географии носит глобальный, интернациональный характер.

Недостаток контактов и определенная стагнация может хорошо осознаваться внутри ученых сообществ (здесь мы снова обратимся к примеру французской и русской исторических географий). Так, произошедшее в сентябре 2002 г. во Франции возобновление деятельности Комиссии по исторической географии (Commission de Géographie Historique) при Национальном французском географическом комитете (CNFG, Comité National Français de Géographie) было отмечено международной конференцией в Сорбонне. Оргкомитет конференции в своем официальном обращении к участникам, в лице историка Натали Петито (Natalie Petiteau), определял положение дел следующим образом: «Историческая география во Франции, существующая с момента возникновения французской школы географии в начале XIX в., несмотря на значительные работы, опубликованные Роже Дионом и Ксавье де Планолем, некоторое время страдала от недостатка интереса... Не-

давняя эволюция социальных наук придала исторической географии новый импульс развития. Поэтому целью данной конференции является обзор эпистемологии, методов и областей исследования в современной французской исторической географии, который позволит определить ее положение относительно географии и других социальных наук» [149].

В рецензии на коллективную монографию, изданную по мотивам конференции, британский специалист, известный своими работами по истории французской исторической географии Хью Клаут (Hugh Clout) выражал надежду, что «несомненно, живая и здоровая», французская историческая география окажется достаточно сильна, чтобы преодолеть скептицизм тех, кто полагает, что историческая география — прерогатива одних историков или частный метод географии. Для Клаута, как «франкофона и франкофила», очевидно движение французского ученого сообщества в сторону расширения традиционных методологических рамок (хотя, по его мнению, трудно предсказать, будет ли ситуация во французской исторической географии напоминать англо-американскую). Однако упоминание о необходимости владения французским, прозвучавшее из уст британского ученого, свидетельствует о том, что современные французскую и англосаксонскую традиции еще трудно воспринимать как интегрированное единство. Как пишет сам Клаут, существует риск того, что историческая география *à la française* будет «оставаться в тени», если не привлечет к себе внимания более широкой аудитории⁸.

В современной России, как и во Франции, инициаторами перемен в области исторической географии выступают в первую очередь географы. В 1996 г. при Институте географии РАН был создан Семинар по исторической географии РАН, предполагающий своей основной целью «способствовать формированию исторической географии как самостоятельного междисциплинарного научного направления на стыке собственно географических и исторических исследований, обеспечивая единство, синтез географии и истории» [135]. Результатом дея-

---

⁸ Clout H. (Rev.) *Où en est la géographie historique?* / Ed. by Philippe Boulanger and Jean-Rene Trochet. Paris: L'Harmattan, 2005 // *Journal of Historical Geography*. 2006. Vol. 32. P. 223-224.

тельности семинара на данный момент является издание трех номеров «Вестника исторической географии» [133]. Положение отечественной школы было представлено авторами «Вестника» в весьма пессимистических тонах: «В дореволюционный период в отечественной исторической географии существовала научная школа, пользовавшаяся огромным авторитетом в мировом масштабе... К сожалению, в советский период эти традиции были в значительной степени утрачены, а само данное междисциплинарное направление оказалось на «периферии» научных интересов и географов, и историков. Преобладающим стал взгляд на историческую географию как на «узкую» предметную дисциплину — со стороны как историков, так и географов» [138].

Утверждение В. Н. Стрелецкого подтверждается практикой преподавания предмета в отечественных университетах. Ситуация соответствует логике ГРНТИ, который выделяет две исторических географии. Первая (03.81.33), наряду с палеографией, нумизматикой и другими частными науками, входит в систему наук «Вспомогательные исторические дисциплины» области «История», вторая (39.15) — сама образует отдельную систему, сопоставимую с системами теоретической, физической, экономической географий. Поэтому программы по исторической географии, предназначенные для подготовки студентов-историков, трактуют предмет как вспомогательную дисциплину. В лучшем случае такое прочтение предмета выливается в представление об исторической географии как профессиональной источниковедческой практике, связанной с конкретной локальной историей, в худшем — как о готовом необходимом наборе географических сведений из прошлого той или иной территории, исторической топонимике.

Такой подход не препятствует появлению качественных частных исследований, но не позволяет связать их с тем, что понимают под исторической географией географы. Имеются в виду, в том числе, западные *historical geographers*, привыкшие воспринимать отдельное исследование не только в его связи с определенной исторической проблематикой, хронологическими и географическими рамками, но также и с методологией. «Сущность кризисной ситуации, сложившейся в отечественной исторической географии, выразилась... в существенном отрыве друг от друга развивающихся реальных исследований и отстаю-

щих методологических представлений» [136]. Программы по исторической географии, подготовленные географами и для географов, в отличие от исторических, уделяют существенно больше места формированию методологической эрудиции студентов.

Глобальные институты исторической географии

По всей видимости, наиболее эффективным в решении описанной выше проблемы оказалось академическое сообщество, усилиями которого были созданы и поддерживаются ныне глобальные институты исторической географии. Сам характер этого единства, очевидно, не предполагает национальных или иных ограничений, но вместе с тем, столь же очевидно, что основой его является научное сообщество англоязычных стран. Именно родственные академические практики и единое методологическое поле английской и американской науки (хотя, разумеется, сюда на равных входят ирландская, канадская и другие традиции) предопределяют связанность пространства международной историко-географической дискуссии.

При рассмотрении современной системы историко-географического знания в ее англо-американском варианте необходимо помнить, что основы ее были заложены в XX в. учеными, принадлежавшими к академическому сообществу географов. В 1930-х гг. Г. К. Дарби начал разрабатывать свою концепцию исторической географии как *self-conscious, distinctive subject*, одной из субдисциплин «*human geography*», будучи преподавателем географии в Кембридже. Хотя сам Дарби с полным правом может считаться профессиональным медиевистом, академическая традиция, получившая под его влиянием широкую популярность, развивалась как географическая дисциплина, что и сформировало ее нынешний облик.

Сущностные черты современной англо-американской исторической географии во многом предопределены тем, что принято называть «географическим мышлением». Прежде всего, это пространственный подход, ставящий во главу угла земное пространство и его изменения («география — это пространственная наука, так же как история есть временная наука», — писал классик географии Альфред Геттнер). Во-вторых, наблюдение изменений земного пространства предполагает системность, комплексность его восприятия, следовательно — привыч-

ку к синтезу, обобщению данных, и тому, что Л. Гейлки в своей критической работе назвал «естественно-научным подходом к исторической географии», когда география исторического прошлого изучается подобно последовательности физических процессов, без учета человеческого фактора. Гейлки писал, что естественно-научная традиция исторической географии была сформирована работами ее новых классиков — Зауэра, Дарби, Кларка и Мейнига, игнорировавших в своих исследованиях специфику исторического подхода⁹. В-третьих, в проблематике и методологии современной исторической географии со всей очевидностью отразилась еще одна истинно географическая черта. По словам Альфреда Геттнера «география, по самому определению своего понятия, ограничена, строго говоря, рассмотрением настоящего», и эта первостепенная ориентация на исследования географического пространства в его современном виде, лежащая в основе географии, порождает настойчивую «актуальность» работ (как тематическую, так и методологическую), публикуемых, например, в «Журнале исторической географии».

Собственно, еще его основатель, вышеупомянутый Эндрю Кларк, настаивал на том, что любые попытки ограничить или как-то классифицировать методологическое пространство исторической географии напоминают ложе Прокруста. Вместо этого он прагматически предлагал считать исторической географией то, «чем занимаются historical geographers» [2: р. 35]. Так и получилось, методологический плюрализм, или ситуация непрерывной дискуссии, положена в основу важнейших интернациональных институтов исторической географии.

Профессиональные сообщества

Ниже приводится информация о важнейших профессиональных сообществах, образующих поле англо-американской исторической географии.

«Исследовательская группа по исторической географии» (HGRG, Historical Geography Research Group) при Королевском географичес-

---

⁹ Guelke L. Relations between Geography and History Reconsidered // History and Theory. 1997. Vol. 36. № 2. P. 216-234., esp. 222.

ком обществе и Институте британских географов (RGS/IBG, Royal Geographical Society with the Institute of British Geographers) в настоящий момент включает в себя свыше 400 членов и является одной из наиболее активных исследовательских групп Королевского географического общества. Основными направлениями деятельности HGRG как организации, изначально нацеленной на поддержку и развитие исследований в области исторической географии, являются конференции, призванные способствовать сотрудничеству ученых, разделенных как дисциплинарно, так и географически. Очередная сессия HGRG в рамках ежегодной конференции Королевского географического общества и Института британских географов (27—29 августа 2008 г.) посвящена, в частности, рассмотрению таких тем, как «География садоводства», «География подземных пространств» и «Имперская география». HGRG также осуществляет грантовую поддержку конференций и отдельных исследований. С 1979 г. при поддержке группы было издано 39 томов серии «Historical Geography Research Series Publications», исследований, часть которых посвящена конкретным историко-географическим сюжетам, часть — истории и методологии направления.

«Группа по специальности историческая география» (HGSG, Historical Geography Specialty Group) при Ассоциации американских географов (AAG, Association of American Geographers). Американское сообщество исследователей исторической географии формулирует задачи своей организации в тех же выражениях, что и британские коллеги. HGSG издает бюллетень (*Past Place: The Newsletter of Historical Geography Specialty Group*), обобщающий информацию о важнейших событиях в жизни исторической географии: конференциях (в том числе и ежегодных сессиях AAG), исследовательских проектах, новых публикациях. Особо интересен дискуссионный раздел издания, представляющий участникам ассоциации трибуну для обсуждения актуальных проблем дисциплины. Так, например, выпуск бюллетеня, выпущенный в середине 2006 г. (*Past Place*. 2006. Vol. 14. № 2), был посвящен обсуждению проблем, связанных с интенсивным внедрением в исследовательскую практику исторической географии геоинформационных систем (ГИС).

Обе организации являются важнейшими действующими лицами «Международной конференции исторических географов» (ICHG,

International Conference of Historical Geographers), которая стала периодической после британско-канадского симпозиума по исторической географии в 1975 г. Международный характер этого форума определяет географию его проведения и тематику направлений работы конференции. Конференции последнего десятилетия происходили: 10 — Белфаст, Северная Ирландия (июль, 1998); 11 — университет Лавалья, Квебек, Канада (август, 2001); 12 — Оклендский университет, Новая Зеландия (декабрь, 2003); 13 — Гамбургский университет, Германия (август, 2006). На гамбургской конференции 2006 г., в которой участвовали представители 25 стран и не меньшего количества наук, обсуждалась тема трансформаций культурного ландшафта [139]. В гамбургской конференции приняли участие российские ученые — Е. Петрова (МГУ) и О. Н. Трапезникова (Институт геоэкологии РАН) [150].

14 сессия ICHG состоится в августе 2009 г. в университете Киото, Япония. Это первая конференция, которую ICHG проведет в Восточной Азии. Список направлений работы киотской конференции, думается, достаточно хорошо описывает то, как международное сообщество ученых в настоящее время представляет себе историческую географию. В объявлении о конференции, размещенном на сайте киотского университета, перечислены следующие исследовательские аспекты: (1) теория и история исторической географии, (2) геоинформационные системы по истории, (3) карты, описания и географическое знание, (4) природа и изменения окружающей среды, (5) население, здоровье и благосостояние, (6) сельское хозяйство, продовольствие и аграрный ландшафт, (7) урбанистика и городская среда, (8) индустриализация и капитализм, (9) сети, коммуникации и глобализация, (10) туризм, спорт и отдых, (11) наследие и сохранение ландшафта, (12) власть, империализм и колониализм, (13) исторические географии Восточной Азии. Очевидно предельно широкое представление об исторической географии как о части «human geography», тесно связанной с экономической географией, исследованиями ландшафта, урбанистикой и т. д., ориентация на изучение историко-географических проблем с точки зрения современности.

Журналы

В формировании современного поля исторической географии не менее важную роль, чем ICHG, играет «Журнал исторической географии» (JHG, Journal of Historical Geography, с 1975 г.). Это ученое предприятие изначально также обязано англо-канадскому сотрудничеству, первыми редакторами JHG были географы, канадский — Эндрю Кларк, и английский — Джон Паттен (John Patten). В предисловии к первому выпуску журнала редакторы писали о необходимости поместить возросший поток историко-географических публикаций в общий контекст, объединить усилия заинтересованных авторов. Это предисловие, как уже указывалось, было манифестом нового, «широкого» понимания дисциплины: «Что касается вопроса о природе исторической географии, и ее отношений с историческими или географическими дисциплинами, то тут «Журнал» не будет придерживаться какого-то одного учения...» [140]. Журнал выходит 4 раза в год в издательстве «Эльзевир» (Elsevier), структура каждого номера обыкновенна для изданий такого рода и включает пять или шесть научных статей, от десяти до двадцати рецензий на новые монографии, доклады о конференциях. Выпуски журнала зачастую носят тематический характер, так, июльский номер 2008 г. был посвящен политическим аспектам географических границ.

Американским аналогом JHG явился «Вестник исторической географии» (Historical Geography Newsletter, с 1971 г. выпускался отделением географии университета Нортридж в Калифорнии (Department of Geography at California State University-Northridge)). Издание, вызывавшее у аудитории значительный интерес, но выходившее нерегулярно, с 1993 г., когда работа по подготовке журнала была принята на себя департаментом географии университета Луизианы, называется «Историческая География» (Historical Geography). С 2007 г., в связи с отдаленными финансовыми последствиями урагана «Катрина», ежегодник, в основном ориентированный на исследование сюжетов американской исторической географии, поддерживается историческим департаментом университета Хай-Пойнт (Department of History at High Point University).

Поскольку с точки зрения формальных академических делений, многие представители современной исторической географии и, что

особенно важно, ведущие ее методологи и историографы оказываются географами более, чем историками, ведущие географические журналы время от времени публикуют их доклады, обзоры и рецензии. В этой связи особенно интересен международный журнал «Progress in Human Geography» (с 1977 г. нынешний издатель «Sage Publications»), из года в год публикующий, помимо всего прочего, обзоры основных методологических тенденций в области исторической географии [141–147].

§2. Современное историко-географическое знание

Современное состояние историко-географического знания отличается методологический плюрализм, более всего очевидный при обращении к такому изданию, как «Журнал исторической географии». Совокупность подходов, используемых авторами журнала, есть следствие развития определенной научной традиции, прежде всего англо-американской «географии человека» (human geography), но все же именно к этой области, в силу глобального характера ее институтов, открытых для представителей академического сообщества любой страны (об этом свидетельствует количество статей, посвященных исторической географии постсоветских государств, появляющихся в последние годы в журнале), стоит прежде всего обратиться для понимания перспектив исторической географии.

Набор методологических парадигм, определяющих содержание современных историко-географических исследований, на наш взгляд, может быть лучше всего продемонстрирован на примерах case-studies, публиковавшихся в последнее десятилетие в упомянутом журнале. Далее, давая краткую характеристику той или иной области историко-географических исследований, мы используем в качестве иллюстраций прежде всего эти работы.

Геоинформационные системы (ГИС, GIS)

Этим термином обозначается тип компьютерных программ, предназначенных для представления, систематизации и анализа пространственных данных. ГИС в исторической географии являются широко обсуждаемой темой. Как правило, основу таких программных продук-

тов составляет массив историко-географической информации (к примеру, сведения по демографии того или иного региона), привязанный к компьютерной карте. Идеальной целью такой программы является построение полноценной пространственно-временной модели какого-либо исторического процесса. В отечественной науке примером может служить деятельность центра по разработке компьютерных карт и атласов при Алтайском государственном университете (г. Барнаул), в частности, ГИС-проектов, посвященных исторической географии Юго-Западной Сибири [151, 152]. Среди западных проектов необходимо назвать GBHGIS (Great Britain Historical Geographical Information System), систему взаимосвязанных частных проектов, отражающих изменения пространства Великобритании в широкой временной перспективе¹⁰.

Руководители проекта, в частности портсмутский профессор Йэн Грегори (Ian Gregory), немало сделали для популяризации направления, смотрите, например, «Руководство по использованию ГИС в исторических исследованиях» на сервере университета Эссекса¹¹.

В качестве примера ГИС-проекта, доступного в сети Интернет, приведем работу мичиганских ученых, посвященную военным кампаниям Сулеймана Великолепного [155].

Реконструкция природных условий прошлого

Традиция исследований, посвященных изменениям окружающей среды в течение исторического периода, имеет, как мы видели ранее, долгую историю. Внутри этой области исследований, связанной с использованием данных археологии и антропологии, возможно говорить о нескольких направлениях: 1) реконструкция доисторических ландшафтов (нем. *urlandschaften*); 2) изучение антропогенных воздействий на окружающую среду; 3) исследования восприятия природной среды людьми прошлого.

По видимому, ко второй категории должна быть отнесена работа оксфордского профессора Майкла Уильямса «Темные века и темные

---

¹⁰ Режим доступа: <http://www.port.ac.uk/research/gbhgis>

¹¹ Режим доступа: <http://hds.essex.ac.uk/g2gp/gis/index.asp>

пространства: отступление лесов в далеком прошлом» [162]. Статья посвящена возможностям, которые современная история, археология, антропология и палеоботаника открывают для исследователя изменений лесного покрова Европы и Америки. По Уильямсу, дефорестация Европы была начата оседлыми земледельческими общинами неолита и раннего бронзового века (от 3000 до 1000 гг. до н. э.). В античный период рост населения, урбанизация, добыча полезных ископаемых, средиземноморская торговля произвели значительные изменения в структуре и размещении лесов. Медленное восстановление средиземноморской вечнозеленой флоры приводило к замещению этих территорий скудными пастбищами, эрозии почв и распространению малярии. В Средневековье сыграло свою роль христианское учение, объявлявшее человека хозяином природы. Важнейшими факторами дефорестации стали непрерывный рост и экспансия населения в VII—XIV вв., изменения в сельскохозяйственной технике и землепользовании.

Историческая география (сельских) ландшафтов

Немецкое слово «Landschaft» означает *вид местности или ограниченного ее участка*. Закрепившись в географии конца XIX — начала XX в., слово «ландшафт» стало обозначать *природный территориальный комплекс (во французской географии синонимом термина выступает «paysage»)*. Как мы видели ранее на примере работ Дарби и Зауэра, для исторической географии особое значение имеет исследование природно-антропогенного или культурного ландшафта. Важной отраслью таких исследований является изучение семантики ландшафта, смыслов и значений, которыми наделяют территорию своего проживания те или иные человеческие общности.

Статья Доджсона и Олссен «Вересковая пустошь в горах Шотландии» посвящена эволюции этого типа культурных ландшафтов в XVII—XIX вв. [157]. В работе показана связь возникновения вересковых пустошей в XVI в. с определенным режимом сельского хозяйства. На горных склонах, освобождавшихся фермерами от леса, практиковалось выжигание пустошей и умеренное пастбищное скотоводство. Эти два фактора благоприятствовали распространению вереска, ко-

торый не давал восстановиться лесному покрову. Замена умеренного скотоводства на интенсивное в XVIII в. привела к постепенной деградации вересковых пустошей.

Постколониализм и география власти

В широком смысле, постколониализм представляет собой интеллектуальное течение, чьей целью является исследование влияния колониальной идеологии на культуру колонизаторов и колонизируемых, эволюции колониальных отношений, их современных репрезентаций. Так, Эдвард Саид (Edward Said, 1935—2003) показал в работе «Ориентализм» (1978), что отношения власти, проявлявшиеся в текстах западных авторов, писавших о Востоке, не обязательно были осознаваемы, и тем более, осознанно манифестируемы. Ориентализм — особое политическое видение реальности, структура которого призвана поддерживать разницу между своим и чужим (колонизируемым), присутствовал в этих сочинениях в латентном состоянии, как свойство породившей его культуры [154, 160]. Постколониализм оказывает значительное влияние на все социальные и гуманитарные науки, в том числе и на историческую географию.

Примером такого подхода может служить работа, посвященная монументам британских монархов в столице Ирландии до и после того, как страна обрела независимость (1922) [161]. Памятники являются неотъемлемой частью городского ландшафта, символами, которые отражают борьбу разных социальных групп за власть над городской средой. После 1922 г. два из четырех рассмотренных дублинских памятников были разрушены, один продан в Англию, а четвертый — огромная статуя королевы Виктории — был подарен австралийскому Сиднею.

Историческая география урбанизации и индустриализации

Проблемы образования, развития и восприятия городов составляют предмет отрасли исторической географии, охарактеризовать которую в нескольких словах вряд ли возможно. В силу понятных причин, изучение городов и городских феноменов связано (хотя и не обязательно) с исследованиями исторической географии промышленности,

историей индустриализации и индустриальных ландшафтов. Подобные работы регулярно появляются на страницах «Журнала исторической географии».

В статье канадского географа Роберта Льюиса [159] рассматривалась эволюция пространственного размещения промышленности Монреала в 1850—1929 гг. Индустриальный город, население которого за этот период увеличилось с 57 000 до 1 млн жителей, представлял собой сложный конгломерат специализированных промышленных районов, развитие каждого из которых определялось как собственной экономической историей, так и ролью района в городском разделении труда. Отличительной чертой Монреала, отмечал Льюис, была податливость его индустриального и социального пространства: число, специализация и состав индустриальных районов непрерывно менялись, промышленность в поисках новой рабочей силы перемещалась из центра к городским окраинам, не устранив при этом уже существующие промышленные районы.

Историческая география торговли, транспорта и коммуникаций

Исследование путей распространения товаров, технологий и культурных феноменов является одной из наиболее популярных областей исторической географии. Особый интерес представляют следующие темы: эволюция торговых и транспортных путей, в том числе в региональном и локальном масштабах, история транспорта (в особенности, эффект, который оказывало на экономическую географию той или иной эпохи появление новых видов транспорта, таких как железная дорога), история движения идей и информации.

В работе Эвана Джоунса (университет Лейсестера) рассматривается история речной навигации в средневековой Англии [158]. Ключевое значение речного транспорта в Средневековье объяснялось низкой стоимостью перевозки грузов по воде (речная навигация обходилась в 10 раз дешевле, чем перевозка по суше). Именно развитие водных путей в этот период стимулировало экономическое развитие регионов и их урбанизацию. Важен вопрос о масштабах распространения речной навигации: статья посвящена критическому рассмотрению гипотезы ряда ученых, утверждавших, что реки Англии в Средне-

вековые были пригодны для плавания гораздо выше по течению, чем обычно предполагалось. Джоунс в большинстве случаев находит эти предположения обоснованными, делается вывод о сокращении масштабов речной навигации в конце XIII—XV вв. Причиной этого сокращения, распространившегося прежде всего на верхние части рек, стало распространение мельничных запруд, а также, возможно, общая депопуляция позднесредневекового периода.

Исследования географических образов, гуманитарная география

Гуманитарной географией называется направление, изучающее способы представления и интерпретации земных пространств. Д. Н. Замятин дает следующее определение основной исследовательской категории гуманитарной географии: «Географические образы — это устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности» [153: с. 48]. Подобные исследования невозможны вне исторической перспективы, и также входят в круг постоянных тем современной исторической географии.

В статье австралийского ученого Джона Коннелла «Мечты об острове: созерцание полинезийского рая» [156] рассматривается процесс формирования образной географии островов Тихого океана. Образы полинезийских островов создавались и распространялись прежде всего европейцами, пришедшими издали, такими как Бугенвиль, издавшим в 1771 г. свои отчеты о путешествии на Таити. Утопические образы земного рая, наделявшегося женственными и экзотическими чертами, отражали представления образованных мужчин колониальной эпохи и именно к ним восходят современные образы Полинезии, доминирующие в популярной культуре. Представления об общественной гармонии, изобилии и красоте первозданной жизни на затерянных в океане островах, бывшие частью колониального образа, в постколониальный период составили основу идентичности их современных обитателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историографические очерки исторической географии

1. Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982.
2. Baker A. R. H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge, 2003.
3. Butlin R. A. Historical Geography: Through the Gates of Space and Time. L., 1993.

2. Историческая география в XIV–XVIII вв.

4. Багров Л. История картографии. М., 2004.
5. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003.
6. Яцунский В. К. Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955.
7. Goffart W. Historical Atlases: The First Three Hundred Years, 1570–1870. Chicago, 2003.
8. Wells E. An Historical Geography of the Old and New Testament. Vol.1. L., 1820.

3. Британская школа исторической географии в XIX в.

9. Коллингвуд Р. Идея истории / Пер. Ю. А. Асеева. М., 1980.
10. Фриман Э. Историческая география Европы / Пер. М. В. Лучицкой. М., 1892.
11. Butlin R. George Adam Smith and the historical geography of the Holy Land: contents, contexts and connections // Journal of Historical Geography. 1988. Vol. 14. P. 381-404.
12. G. V. G. Obituary: Henry Fanshawe Tozer // The Geographical Journal. 1916. Vol. 48. P. 176-177.
13. George H. B. Historical Geography of the British Empire. L., 1904.
14. Freeman E. A. The Historical Geography of Europe. 2 vols. L., 1881.

15. Lucas C. P. Introduction to a Historical Geography of the British Colonies. Oxford, 1887.
16. Slater T. R. Redbrick Academic Geography // The Geographical Journal. 1988. Vol. 154. № 2. P. 169-180.
17. Smith G. A. The Historical Geography of the Holy Land. N. Y., 1901.
18. Stanley A. P. The Life and Correspondence of Thomas Arnold. L., 1903.
19. Stephens W. R. W. The Life and Letters of Edward A. Freeman. L., 1895.
20. Tozer H. F. A History of Ancient Geography. Cambridge, 1935.
21. Tozer H. F. Classical Geography. L., 1887.
22. Tozer H. F. Researches in the Highlands of Turkey. L., 1869. 2 vols. Vol. 1.
23. Withers C., Mayhew R. Rethinking 'disciplinary' history: geography in British universities, c.1580-1887 // Transactions of the Institute of British Geographers. 2002. № 27. P. 11-29.

4. Французская школа исторической географии в XIX в.

24. Ле Гофф Ж. Средние века Мишле // Другое средневековье. Екатеринбург, 2000. С. 13-35.
25. Berdoulay V. Geography in France: Context, Practice, and Text // Geography: Discipline, Profession, and Subject Since 1870: an International Survey / Ed. by Gary S. Dunbar. Springer, 2001. P. 45-79.
26. Desjardins E. Géographie historique et administrative de la Gaule. Vol. I-II. Paris, 1876, 1885.
27. Dussieux L. Géographie historique de la France. Paris, 1843.
28. Graves N. Geography in French public secondary schools (1800-1870) as evidenced by the content of a sample of text-books // Paradigm. № 5. 1991.
29. Longnon A. Dictionnaire topographique de département de la Marne, comprenant les noms de lieu anciens et modernes. Paris, 1911.
30. Longnon A. Géographie de la Gaule au Vie siècle. Paris, 1878.
31. Michelet J. Tableau de la France: géographie physique, politique et morale. Paris, 1875.

32. Moriniaux C., Moriniaux V. Géographie, Histoire, Géographie historique, en France et en Allemagne // OÙ en est la géographie historique? / Dir. Philippe Boulanger, Jean-René Trochet. Paris, 2005. P. 89-97.

5. Историческая география в Российской империи (до 1917 г.)

33. Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря древней Руси. Вильна, 1865.

34. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. Варшава, 1873.

35. Березкин Д. Л. Библейский атлас. СПб., 1911.

36. Головачев П. М. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях. СПб., 1906.

37. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905.

38. Головачев П. М. Тюмень в XVII столетии. М., 1903; Тюмень, 2004.

39. Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М., 1914.

40. Елеонский Н. Очерки библейской географии. Вып. 1-2. СПб., 1896-1897.

41. Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

42. Замысловский Е. Е. Объяснения к учебному атласу по русской истории. 3-е изд. СПб., 1887.

43. Замысловский Е. Е. Учебный атлас по русской истории. 2-е изд. СПб., 1869.

44. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.

45. Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910.

46. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; СПб., 2000.

47. Майков Л. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Исследование Н. П. Барсова // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. С. 250-251.

48. Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. 5-е изд. СПб., 1846.

49. Норов А. С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., 1838.

50. Олесницкий А. Святая земля. 2 т. Киев, 1875—1878.
51. Середонин С. М. Историческая география. СПб., 1916.
52. Соколов А. Библейская география. СПб., 1884.
53. Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1988.
54. Сухова Н. Г. Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990.
55. Таммиксаар Э. История преподавания географии в Дерптском университете во второй четверти XIX в. // Философский век. Альманах. Вып. 6. СПб., 1998. С. 125-131.
56. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
57. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypotesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. P. 473-511.

6. Американская школа исторической географии в XX в. (1 часть)

58. Ратцель Ф. Народоведение / Пер. Д. А. Коропчевского: В 2 т. СПб., 1904.
59. Billington R. A. The American Frontier. Washington, 1958.
60. Block R. H. Frederick Jackson Turner and American Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. № 1. P. 31-42.
61. Brigham A. P. Geographic Influence in American History. Boston, 1903.
62. Hartshorne R. The Nature of Geography. Lancaster (Penn.), 1939.
63. Holtgrieve D. G. Frederick Jackson Turner as a Regionalist // The Professional Geographer. 1974. Vol. 26. P. 159-165.
64. Koelsch W. A. The Historical Geography of Harlan H. Barrows // Annals of the Association of American Geographers. 1969. Vol. 59. № 4. P. 632-651.
65. Merrens H. R. Historical Geography and Early American History // William and Mary Quarterly. 1965. Vol. 22. P. 529-548.
66. Mood F. Turner's Formative Period // Turner F. J. The Early Writings of Frederick Jackson Turner. Madison, 1938. P. 3-39.
67. Semple E. C. American History and Its Geographic Conditions. Boston, 1903.
68. Semple E. C. Influences of Geographic Environment on the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geography. N. Y., 1911.

69. Turner F. J. Frontier and Section. Selected Essays of Frederick Jackson Turner / Introd. R. A. Billington. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1961.

70. Turner F. J. Geographical Influences in American Political History // Bulletin of American Geographic Society. 1914. P. 591-595.

7. Американская школа исторической географии в XX в. (2 часть)

71. Туровский Р. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Ин-т Наследия, 2001. С. 10-94.

72. Baker A. R. H. Writing geography, making history: D.W. Meinig's geographical perspective on the history of America // Journal of Historical Geography. 2005. Vol. 31. P. 634-646.

73. Brown R. H. Mirror for Americans: Likeness of the Eastern Seaboard, 1810. N. Y., 1968.

74. Clark A. H. The Invasion of New Zealand by People, Plants, and Animals: The South Island. New Brunswick, New Jersey, 1949.

75. Clark A. H. Three Centuries and the Island: a Historical Geography of Settlement and Agriculture in Prince Edward Island, Canada. Toronto, 1959.

76. Koelsch W. A. Three Centuries and the Island by Andrew H. Clark // Economic Geography. 1960. Vol. 36. № 1. P. 91-93.

77. McManis D. R. A Prism to the Past: The Historical Geography of Ralph Hall Brown // Social Science History. 1978. Vol. 3. № 1. P. 72-86.

78. Meinig D. W. The Historical Geography Imperative // Annals of the Association of American Geographers. 1989. Vol. 79. № 1. P. 79-87.

79. Sauer C. O. Foreword to Historical Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1941. Vol. 31. № 1. P. 1-24.

80. Sauer C. O. Morphology of Landscape // Human Geography: An Essential Anthology. Blackwell Publishing, 1996. P. 298-315.

81. Tuan Yi-Fu. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66. № 2. P. 266-276.

82. Whittlesey D. Sequent Occupance // Annals of the Association of American Geographers. 1929. Vol. 19. № 3. P. 162-165.

83. Williams M. «The apple of my eye»: Carl Sauer and historical geography // Journal of Historical Geography. 1983. Vol. 9. Iss. 1. P. 1-28.

84. Wynn G. D. W. Meinig and The Shaping of America // Journal of Historical Geography. 2005. Vol. 31. P. 610-633.

85. Zelinsky W. Classical Town Names in the United States: The Historical Geography of an American Idea // Geographical Review. 1967. Vol. 57. № 4. P. 463-495.

8. Британская школа исторической географии в XX в.

86. An Historical Geography of England before AD 1800 / Ed. by H. C. Darby, 1936.

87. An Historical Geography of Europe / Ed. by R. A. Butlin & R. A. Dodgshon. Oxford, 1998.

88. A New Historical Geography of England / Ed. by H. C. Darby. Cambridge, 1973.

89. Baker A. R. H. Henry Clifford Darby, 1909-1992 // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. 1992. Vol. 17. № 4. P. 495-501.

90. Darby H. C. Historical Geography in Britain 1920-1980: Continuity and Change // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. Vol. 8. № 4. 1980. P. 421-428.

91. Darby H.C. On the relations of geography and history // Transactions and Papers of Institute of British Geographers. 1954. Vol. 19. P. 1-11.

92. Darby H.C. The changing English Landscape // Geographical Journal. 1951. Vol. 117. P. 377-398.

93. East G. W. An Historical Geography of Europe. L., 1935.

94. Lawton R., Butlin R. Clifford Darby: an appreciation // Journal of Historical Geography. 1989. Vol.15. Iss. 1. P. 14-19.

95. Mackinder H. J. Britain and the British Seas. L., 1902.

96. Pounds N. J. G. An Historical Geography of Europe: 450 B.C.-A.D. 1330. Cambridge, 1973.

97. Pounds N. J. G. An Historical Geography of Europe: 1800-1914. Cambridge, 1985.

98. Smith C. T. An Historical Geography of Western Europe before 1800. L., 1967.

9. Французская школа исторической географии в XX в.

99. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории / Пер. И. И. Фроловой. М., 1957.

100. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М. А. Юсима. М., 2002.
101. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история / Пер. В. Мильчина, С. Зенкина. М., 1994.
102. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
103. Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции / Пер. М. Б. Ивановой. М., 2005.
104. Митин И. И. Французская школа географии человека // Режим доступа: <http://imitin.at.tut.by/fwg4.htm>.
105. Соколова М. Н. Историческая теория Фернана Броделя // Французский ежегодник. 1972. М., 1974.
106. Февр Л. Бои за историю / Пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. М., 1991.
107. Юсим М. А. «Средиземноморье» Ф. Броделя: человек в ландшафте большой истории // Новая и Новейшая История. 2005. № 6. С. 34-45.
108. Broc N. Roger Dion (1896-1981) // Annales de géographie. 1982. Vol. 91. № 504. P. 205-217.
109. Demangeon A. L'histoire rurale de la France // Annales de géographie. 1932. Vol. 41. № 231. P. 233-241.
110. Claval P. The historical dimension of French geography // Journal of Historical Geography. Vol. 10. Iss. 3. 1984. P. 229-245.
111. Clout H. Visions of La Géographie Humaine in Twentieth-Century France // The Geographical Review. 2003. Vol. 93. № 3. P. 370-393.
112. Febvre L. La terre et l'évolution humaine: Introduction géographique à l'histoire. Paris, 1949.
113. Planhol X., de. Géographie historique de la France. Paris, 1988.
114. Trochet J-R. Géographie historique de la France. Paris, 1997.
115. Vidal de la Blache P. La conception actuelle de l'enseignement de la géographie // Annales de Géographie. 1905. Vol. 75. P. 193-207.
116. Vidal de la Blache P. Les conditions géographiques des faits sociaux // Annales de Géographie. 1902. Vol. 11. P. 13-23.
117. Vidal de La Blache P. Principes de géographie humaine. Paris, 1922.

118. Vidal de la Blache P. Tableau de la geographie de la France. Paris, 1903.

10. Историческая география в советский и постсоветский период

119. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

120. Витвер И. А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М., 1963.

121. Гумилев Л. Н. По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос) // Вестник ЛГУ. 1965. № 18. Вып. 3. С. 112-120.

122. Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973.

123. Иофа Л. Е. Города Урала. М., 1951.

124. Кабо Р. М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.). М., 1949.

125. Литвак Б. Г. К 100-летию Виктора Корнелиевича Яцунского // Отечественная история. 1993. № 1. С. 128-136.

126. Максаковский В. П. Историческая география мира. М., 1998.

127. Медушевская О. М. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина. М., 1959.

128. Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V-XVII вв.). М., 1973.

129. Резун Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII-XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 16-32.

130. Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976

131. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.; Л., 1946.

132. Яцунский В. К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. 1950. Вып. 20. С. 13-41.

11. Современное состояние исторической географии (1 часть)

133. Вестник исторической географии. Вып. 1. Смоленск, 1999. 162 с.; Вестник исторической географии. Вып. 2. М.; Смоленск, 2001. 172 с.; Вестник исторической географии. Вып. 3. М., 2006. 334 с.

134. Голубчик М. М., Евдокимов С. П., Максимов Г. Н. История географии. Смоленск, 1998.
135. Замятин Д. Н. Хроника семинаров по исторической географии в ИГ РАН // Вестник исторической географии. Вып.1. 1999. С. 159.
136. Муравьев В. А. Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук // Вестник гуманитарной науки. 1997. Вып. 2. С. 100-111.
137. Селин А. А. Историческая география // Специальные исторические дисциплины / Сост. М. М. Кром. СПб., 2003. С. 457-469.
138. Стрелецкий В. Н. На стыке наук: историческая география в ее отношении к истории и географии // Вестник исторической географии. Вып.1. 1999. С. 4.
139. Baker A., Wynn G. Thirteenth International Conference of Historical Geographers // Journal of Historical Geography. 2007. Vol. 33. P. 429-430.
140. Clark A. H., Patten J. Editorial // Journal of Historical Geography. 1975. Vol.1. Iss. 1. P. i.
141. Gregory I. N., Healy R. G. Historical GIS: structuring, mapping and analysing geographies of the past // Progress in Human Geography. 2007. Vol. 31. Iss. 5. P. 638-653.
142. Holdsworth D. W. Historical geography: new ways of imaging and seeing the past // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. Iss. 4. P. 486-493.
143. Holdsworth D.W. Historical geography: the octopus in the garden and in the fields // Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. Iss. 4. P. 528-535.
144. McQuillan A. New classics and diverse clusters in historical geography // Progress in Human Geography. 1995. Vol. 19. Iss. 2. P. 273-284.
145. Naylor S. Historical geography: geographies and historiographies // Progress in Human Geography. 2008. Vol. 32. Iss. 2. P. 265-274.
146. Naylor S. Historical geography: knowledge, in place and on the move // Progress in Human Geography. 2005. Vol. 29. Iss. 5. P. 626-634.
147. Ogborn M. The relations between geography and history: work in historical geography in 1997 // Progress in Human Geography. 1999. Vol. 23. P. 97-108.

148. Oú en est la géographie historique? / Dir. Philippe Boulanger, Jean-René Trochet. Paris, 2005.

149. Petiateu N. Géographie historique. Where heads historical geography? // Режим доступа: <http://calenda.revues.org/nouvel-le2080.html>.

150. Reports from the 13th International Conference of Historical Geographers // Past Place. The Newsletter of Historical Geography Specialty Group. 2006. Vol.15. № 1. P. 4-5.

12. Современное состояние исторической географии (2 часть)

151. Владимиров В. Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.

152. Владимиров В. Н. Историческая информатика в Алтайском университете // Телеконференция. Информационные технологии в гуманитарных науках // Режим доступа: <http://www.ksu.ru/gum-konf/ot28.tm>.

153. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.

154. Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. А. Говорунова. СПб., 2006.

155. Arlinghaus S. L., Larimore A. E. The Military Campaigns of Suleyman the Magnificent: Animation and Interaction as Space/Time Transformations // Режим доступа: <http://www-personal.umich.edu/~sarhaus/larimore02/index.html>.

156. Connell J. Island dreaming: the contemplation of Polynesian paradise // Journal of Historical Geography. 2003. Vol. 29. Iss. 4. P. 554-581.

157. Dodgshon R. A., Olsson G. A. Heather moorland in the Scottish Highlands: the history of a cultural landscape, 1600-1880 // Journal of Historical Geography. 2006. Vol. 32. Iss.1. P. 21-37.

158. Jones E. T. River navigation in Medieval England // Journal of Historical Geography. 2000. Vol. 26. Iss. 1. P. 60-75.

159. Lewis R. D. A city transformed: manufacturing districts and suburban growth in Montreal, 1850-1929 // Journal of Historical Geography. 2001. Vol. 27. Iss. 1. P. 20-35.

160. Said E. W. Orientalism. N. Y., 2006.

161. Whelan Y. The construction and destruction of a colonial landscape: monuments to British monarchs in Dublin before and after Independence // Journal of Historical Geography. 2002. Vol. 28. Iss. 4. P. 508-533.

162. Williams M. Dark ages and dark areas: global deforestation in the deep past // Journal of Historical Geography. 2000. Vol. 26. Iss. 1. P. 28-46.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аллен У. (Allen W. F.) 54
Арбо Ф. (Arbos Ph.) 75
Арнольд Т. (Arnold T.) 18, 23
Байер З. (Bayer G. S.) 9, 36
Багале́й Д. 34
Баранский Н. Н. 82
Барсов Н. П. 33, 34, 37
Батлин Р. (Butlin R.) 5, 21, 66, 70, 85
Бахрушин С. В. 83
Бейкер А. (Baker A.) 4, 26, 63
Беляев И. Д. 34
Блаш Ж. (Blache J.) 75
Блок М. (Bloch M.) 75, 76-77
Боккаччо Дж. (Boccaccio J.) 9
Браун Р. (Brown R. H.) 58-59, 60, 71, 94
Бродель Ф. (Braudel F.) 80-81
Бьондо Ф. (Flavius Blondus) 9, 10
Бэзин М. (Bassin M.) 41
Бэрроуз Х. (Barrows H.) 57
Валуа А. (Valesius) 14
Видаль де ла Блаш П. (Vidal de la
Blache P.) 25, 65, 71, 72-74, 87
Вулдридж С. В. (Wooldridge S. W.) 67-69,
93
Галлуа Л. (Gallois L.) 74-75
Ганнибал 23
Гейз И. (Hase J. M.) 11, 16
Гейлки Л. (Guelke L.) 101
Геральд Камбрийский 7, 9
Герберштейн С. (Herberstein S.) 38
Гердер (Herder J.G.) 9
Геродот 7, 9, 36
Геттнер А. (Hettner A.) 100, 101
Головачев П. М. 48-50, 90
Гомер 19, 22
Гоффарт У. (Goffart W.) 11, 12, 13
Грегори Й. (Gregory I.) 106
Гумилев Л. Н. 85
Д'Анвиль Ж. (d'Anville J.) 16
Дарби Г. К. (Darby H. C.) 7, 22, 28, 58,
66-71, 93, 100, 101, 107
Делиль Г. (Delisle G.) 9
Деманжон А. (Demangeon A.) 76
Дежарден Э. (Desjardins E.) 30-31
Дефонтен П. (Deffontaines P.) 75
Джордж Х. Б. (George H. B.) 24-25
Джоунс Э. (Jones E.) 109
Дион Р. (Dion R.) 77, 78, 79, 80, 97
Доджшон Р. (Dodgshon R.) 70, 107
Дюбо (Dubos J.-B.) 9
Дюсье Л.-Э. (Dussieux L. E.) 27-28
Жекулин В. С. 85
Замысловский Е. Е. 34, 38-39, 89
Замятин Д. Н. 110
Зауэр К. (Sauer C. O.) 58, 59-60, 61, 63
94, 101, 107
Зелински В. (Zelinsky W.) 61, 94
Елеонский Н. 35
Имли Л. О. (Himly L. A.) 30
Иосиф Флавий 15
Июфа Л. Е. 83
Ист У. Г. (East W. G.) 67
Кабо Р. М. 83
Капет Г. 28
Кейстоун Т. (Keystone T.) 58
Келлер Х. (Cellarius) 9, 11, 14, 16
Кларк Э. (Clark A. H.) 61-62, 63, 71, 101,
104

Клаут Х. (Clout H.) 75, 78, 98
 Ключев Ф. (Cluverius) 14
 Ключевский В. О. 40-44, 46, 49
 Коллингвуд Р. (Collingwood R.) 23
 Коннелл Дж. (Connell J.) 110
 Кузнецов С. К. 40
 Лависс Э. (Lavissee E.) 72-73
 Ле Гофф Ж. (Le Goff J.) 28
 Лёбеф Ж. (Lebeuf J.) 9
 Лоньон О. (Longnon A.) 31-32, 71, 78
 Лукас Ч. (Lucas Ch.) 24
 Льюис Р. (Lewis R.) 109
 Любавский М. К. 44-47, 83, 89
 Майков Л. Н. 33, 36, 45
 Макиндер Х. (Mackinder H.) 64-65
 Максаковский В. П. 85
 Медушевская О. М. 85
 Мейниг Д. (Meinig D.) 62-63, 101
 Мейхью Р. (Mayhew R.) 17
 Мишле Ж. (Michelet J.) 28-29, 69, 71, 87
 Монтескье (Montesquieu) 9
 Мориньо К., В. (Moriniaux C., V.) 26
 Муравьев А. Н. 35
 Надеждин Н. И. 34, 36
 Норов А. С. 35
 Ньютон И. (Newton I.) 17
 Олесницкий А. 35
 Ортелиус А. (Ortelius) 8, 9, 11, 12-14, 86
 Павеаний 9
 Пальмериус (Palmier de Grentemesnil) 14
 Паттен Дж. (Patten J.) 104
 Паундс Н. (Pounds N.) 70
 Петито Н. (Petiteau N.) 97
 Петрарка Ф. 9, 10
 Петрова Е. 103
 Планоль К., де (Xavier de Planhol) 81, 97
 Покшишевский В. В. 96
 Птолемей 11, 12, 15, 17
 Ратцель Ф. (Ratzel F.) 51, 52-53, 65, 66, 91
 Реклю Э. (Reclus E.) 31
 Ремнев А. В. 48
 Риттер К. (Ritter K.) 31, 82
 Саид Э. В. (Said E. W.) 108
 Сансон Н. (Sanson N.) 9, 11, 16
 Середонин С. М. 34, 38, 39-40
 Смит Дж. А. (Smith G. A.) 18, 21-22, 71
 Смит К. (Smith C. T.) 70
 Соколов А. 35
 Соловьев С. М. 39, 40-42
 Страбон 9, 11, 15
 Стрелецкий В. Н. 99
 Стэнли А. (Stanley A. P.) 18
 Сэмпл Э. Ч. (Semple E. Ch.) 52-53, 56,
 57, 71, 91
 Татищев В. Н. 9, 36
 Тацит 8
 Тит Ливий 8
 Тернер Ф. Дж. (Turner F. J.) 54-57, 92
 Тоузер Г. Ф. (Tozer H. F.) 18-20, 22
 Трапезникова О. Н. 103
 Троше Ж.-Р. (Trochet J.-R.) 27, 74, 81
 Туан И-Фу (Tuan Yi-Fu) 63
 Уизерс Ч. (Withers Ch.) 17
 Уильямс М. (Williams M.) 106-107
 Уэллс Э. (Wells E.) 15
 Февр Л. (Febvre L.) 75, 76, 77, 95
 Фридрих Великий 18
 Фриман Э. (Freeman E.) 18, 22-24, 25, 88
 Фукидид 7
 Хаклюйт Р. (Hakluyt R.) 8
 Хартшорн Р. (Hartshorne R.) 52-53
 Холтгрив Д. (Holtgrieve D.G.) 56
 Хорсли Дж. (Horsley J.) 9
 Чемберлен Т. (Chamberlin T.) 54
 Шепфлин (Schoepflin J.-D.) 9
 Шпенер (Spener J.) 9
 Шпрунер К. (Spruner K.) 11
 Шапов А. П. 47, 48
 Ядринцев Н. М. 34, 48, 90
 Яцунский В. К. 4, 9, 10, 13, 83-84, 85, 96

Федор Сергей КОРАНДЕЙ

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ

Учебное пособие

Редактор	Е. В. Гончаренко
Технический редактор	Н. Г. Яковенко
Компьютерный дизайн обложки	Н. В. Ахпателова
Компьютерная верстка	А. О. Макарова

Подписано в печать 17.11.2008. Тираж 100 экз.
Объем 7,75 печ. л. Формат 60×90/16. Заказ 905.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

Изготовлено в ООО «Виндекс»
625002, г. Тюмень, ул. Госпаровская, 9